
Н.В. Ениосова, Т.А. Пушкина

ГНЁЗДОВО КАК РАННЕГОРОДСКОЙ ЦЕНТР ЭПОХИ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

Статья посвящена дискуссионным вопросам археологической и культурно-исторической интерпретации Гнёздовского комплекса, расположенного в Верхнем Поднепровье. На его обширной территории исследованы восемь курганных групп, жилые и производственные зоны, а также участки, связанные с функционированием речного порта. Площадь поселения, включавшего городище с оборонительными сооружениями и селище, в период расцвета достигала 30 га. Судя по материалам некрополя, приблизительная численность населения памятника была 800–1100 человек, его отличала стабильная демографическая структура и очевидная социальная дифференциация населения. Единственный раннегородской центр Смоленского Поднепровья занимал доминирующую позицию в регионе, контролируя систему поселений, обеспечивающих функционирование Днепро-Ловатского отрезка «пути из варяг в греки». Местное ремесло сложилось на основе производственных традиций различных этнических групп и носило стационарный характер. Возделывание культурных растений и пастбищное хозяйство играли важную роль в экономике поселения. Все эти данные свидетельствуют против интерпретации памятника как «открытого торгово-ремесленного» центра с населением, численность которого существенно менялась из-за сезонного притока «гостей» и транзитных путешественников, а незначительная доля «воинских» погребений не позволяет трактовать некрополь Гнёздова как дружинное кладбище. Расцвет города на Верхнем Днепре приходится на вторую половину X в.: территория поселения достигла максимального размера; абсолютное большинство исследованных курганов также возведено в этот период. В них похоронены представители местной элиты, связанные с воинской службой и административными функциями, их слуги, торговцы, ремесленники, владельцы пахотных земель и скота. Значительный объём серебра в руках жителей Гнёздова указывает на то, что основное направление торговой активности определяли восточные связи. Высокая доля фрагментированных монет в культурном слое свидетельствует об активном участии населения в торговых и обменных операциях. Обилие находок северного происхождения на различных участках гнёздовского комплекса отражает непрерывные контакты с территорией Скандинавии на протяжении X в. и дает основания говорить о

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 15-01-18024 «Изучение Гнёздовского комплекса археологических памятников».

миграции на эту территорию населения из Средней Швеции. Судя по находкам украшений, скандинавские женщины были похоронены в 40–50% гнёздовских курганов, а скандинавам в целом принадлежит не менее четверти погребений некрополя. Аккумуляция престижных византийских импортов в руках гнёздовской элиты свидетельствует, что Киев не был единственным центром дипломатических и торговых отношений с Византийской империей, а Гнёздово занимало особое место в отношениях с Константинополем с первых десятилетий до конца X в. Раннегородской центр на Днепре существовал в течение жизни нескольких поколений и перестал функционировать в результате комплекса причин, среди которых постепенное прекращение импорта исламских монет в 70-е годы X в. и изменение торговых путей, а также конфликт между местной элитой и центральной властью формирующегося государства.

Ключевые слова: Верхнее Поднепровье, Гнёздовский археологический комплекс, раннегородской центр, импорт восточных монет, контакты со Скандинавией, находки византийского происхождения

Несмотря на долгую и плодотворную историю исследований Гнёздова, расположенного в Верхнем Поднепровье на узловом участке «пути из варяг в греки», по-прежнему остаются дискуссионными многие вопросы его археологической и культурно-исторической интерпретации. Среди них — хронология и топография памятника, характер взаимодействия Гнёздова с округой, идентификация представителей населения «не скандинавского» происхождения в материалах погребений и поселения, оценка роли различных этнических групп, населявших Гнёздово, в иерархической структуре местного общества. Далека от решения проблема определения статуса людей, погребенных в наиболее богатых курганах некрополя. Не до конца понятна их роль в организации сети речных и сухопутных коммуникаций, сборе дани, торговых и дипломатических связях с близкими и дальними соседями. Нам неизвестны обстоятельства, в результате которых «угасла» активная жизнь на поселении, и прекратилось существование могильника. Несмотря на то, что все исследователи признают городской облик гнёздовских древностей, конкретный статус Гнёздова на разных этапах его существования по-прежнему оценивается неоднозначно¹.

¹ *Мурашева В.В.* Актуальные проблемы исследования Гнёздова // ДГ. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 389–405; *Нефёдов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования Древнерусского государства по археологическим данным // Там же. С. 270–299; *Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Енисова Н.В.* Гнёздовский археологический

Последний из указанных вопросов может показаться странным после появления целого ряда публикаций, посвященных обобщению результатов современных археологических исследований памятника. Однако острые дискуссии вокруг исторически ориентированных интерпретаций Гнёздова и периодизации археологических материалов из раскопок последних десятилетий заставляют нас вернуться к обсуждению характера гнёздовского поселения и его статуса в политической системе складывающегося Древнерусского государства. В этой связи остановимся на некоторых из высказанных ранее суждений более подробно.

Первые заключения о причинах возникновения, времени существования и характере Гнёздова, основанные на материалах раскопок курганов, были высказаны в начале XX в. Один из основных исследователей гнёздовских погребений В.И. Сизов считал, что «важное и характерное значение Гнёздова заключается главным образом в его торговле и промышленности», подчеркнув его связь с развитием «пути из варяг в греки»². Отмечая отсутствие летописных свидетельств о Гнёздове, Сизов предполагал его параллельное существование со Смоленском и связывал прекращение функционирования «языческого» кладбища и поселения с крутыми административными мерами периода христианизации³.

А.А. Спицын, опубликовавший дневники раскопок курганов С.И. Сергеева, также связывал роль Гнёздова с «транзитным путем между норманнами и хозарами». Оценивая соотношение Гнёздова с летописным городом, он полагал, что это — «старый Смоленск», дважды поменявший место своего расположения со времен Олега до эпохи Ярослава, переместившись вдоль правого берега Днепра с запада на восток⁴.

Согласно одной из версий, выдвинутой в начале 70-х гг. XX в. на основе курганного материала и незначительных данных о по-

комплекс // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 243–273 (в этой статье содержится самая полная на сегодняшний день характеристика памятника и результатов его изучения, что избавляет нас от необходимости подробно приводить здесь все эти материалы).

² Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Гнёздовский могильник близ Смоленска. Материалы по археологии России. СПб., 1902. № 28. С. 115.

³ Там же. С. 125–126.

⁴ Спицын А.А. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // Известия археологической комиссии. СПб., 1905. Вып. 15. С. 7–8.

селении⁵, Гнёздово — пункт по обслуживанию и контролю над волоком с Днепра на Двину, «открытое поселение» с колеблющимся составом населения, «приливы и отливы» которого связаны с обслуживанием водной коммуникации и функционированием торжища. В.А. Булкин и Г.С. Лебедев впервые сопоставили топографию поселения, структуру некрополя и характер гнёздовских древностей с материалами некоторых североевропейских памятников VIII–X вв. В настоящее время невозможно отрицать ключевую роль Гнёздова в период активного использования Днепроовского отрезка «пути из варяг в греки». Однако поселение не может считаться «открытым»: его топографическое ядро образовано Центральным городищем, система укреплений которого возникла уже на раннем этапе истории памятника⁶. Первоначальные дерево-земляные конструкции с восточной стороны площадки городища появились не позднее второй четверти X в., частично перекрыв уже образовавшийся здесь культурный слой⁷. Примерно этим или немного более ранним временем датируются обнаруженные раскопками последних лет следы эскарпа и столбовых конструкций вдоль склона ниже края площадки⁸.

Трудно полностью согласиться с тезисом о колеблющейся численности населения. Она могла только в какой-то мере меняться в зависимости от интенсивности использования пути как сезонной системы сухопутных и водных маршрутов⁹. Материалы, полученные в ходе раскопок пойменной части селища, красноречиво указывают на наиболее активную жизнь «портовых зон» именно в период навигации. Ремесленное производство Гнёздова в целом имело стационарный характер, а деятельность кузнецов, ювелиров, косторезов и гончаров протекала не в отдельной про-

⁵ *Авдусин Д.А.* Гнёздово и Днепровский путь // Новое в археологии. Сб. статей, посвященных 70-летию А.В. Арциховского. М., 1972. С. 165–166; *Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Гнёздово и Бирка (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11–17.

⁶ В данной работе мы не будем касаться проблемы хронологии Гнёздова, используя условно выделенные и предложенные Ю.Э. Жарновым «ранний» и «поздний этап».

⁷ *Пушкина Т.А.* Гнёздовское поселение // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1984. С. 48.

⁸ *Пушкина Т.А., Енисосова Н.В., Мурашева В.В.* Изучение Гнёздовского комплекса археологических памятников // Вестник РГНФ. 2015. № 3 (80). С. 192–193.

⁹ *Микляев А.М.* Путь «из варяг в греки» (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1992. Вып. 4–5. С. 133–138.

изводственной зоне, а среди жилых и хозяйственных построек¹⁰. Однако для многих видов средневекового ремесла характерны природные ритмы активности, а некоторые виды работ, такие как ремонт лодок и ладей, следы которых зафиксированы вне жилой зоны — в прибрежной зоне Днепра и на берегу внутренней гавани в пойме, свидетельствуют об определенной периодичности постоянных занятий на долговременной местной основе¹¹.

В то же время естественный и стабильный состав демографической структуры, прослеженный по материалам некрополя, противоречит интерпретации Гнёздова как «открытого торгово-ремесленного поселения» с населением, численность которого существенно менялась из-за сезонного притока «купеческого и военного сословия и транспортных рабочих»¹².

Вторая концепция была сформулирована во второй половине XX в. По мнению ряда исследователей (конец 70-х — конец 90-х гг. XX в.), Гнёздово — один из пунктов в общегосударственной сети поселений во главе с Киевом, погост, связанный с административно-фискальной деятельностью дружины великого князя — полюдьем. Обширный некрополь этого памятника интерпретируется как дружинное кладбище. «Оплот» великокняжеской власти располагался на территории кривичей в непосредственной близости от их племенного центра — Смоленска, неподвластного Киеву¹³. Рассматривать Гнёздово в качестве военного лагеря, а гнёздовские курганы в качестве дружинного кладбища невозможно. Этому противоречат не только подсчеты, сделанные на основе гендерных соотношений популяции, оставившей гнёздовский некрополь, в которой примерно равным количеством представлены мужчины, женщины, дети, но и общий характер материалов, полученных в результате раскопок поселения.

¹⁰ *Енисосова Н.В.* Ювелирное производство Гнёздова (по материалам курганов и поселения). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 11–12.

¹¹ *Мурашова В.В., Фетисов А.А.* Портовая зона Гнёздова // *Міста Давньої Русі*. Київ, 2014. С. 290.

¹² *Жарнов Ю.Э.* Погребальный обряд в Древней Руси по материалам гнёздовского некрополя. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 22.

¹³ «Военный лагерь» — *Рыбаков Б.А.* Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII вв. // *ВИ*. 1962. № 4. С. 37; «погост», центр сбора полюдьа киевского князя — *Петрухин В.Я., Пушкина Т.А.* К предьстории древнерусского города // *ИСССР*. 1979. № 4. С. 110–112. Наиболее последовательно эту концепцию развивает и поддерживает В.Я. Петрухин (см.: *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2014. С. 232 и далее).

В целом следует отметить значительное количество предметов вооружения в гнёздовской коллекции — не менее 1000 находок, обнаруженных в погребениях и на территории Центрального поселения. Среди них почти половина принадлежит наконечникам стрел, характерных преимущественно для североευропейских типов вооружения¹⁴. По некоторым оценкам до 10% из исследованных к настоящему времени гнёздовских погребений содержали те или иные предметы оборонительного и наступательного вооружения или их сочетание, т. е. чисто теоретически их можно отнести к «дружинным». В подавляющем большинстве случаев в этих курганах найден только один вид вооружения, более половины достоверных комплексов погребений содержали только стрелы. Как правило, число стрел варьирует от одной до пяти, причем они встречены и в детских погребениях. В настоящее время лук и стрелы не рассматриваются как характерный и обязательный атрибут воина-профессионала. Археологическими признаками погребений людей, чьим основным занятием было военное дело, могут быть находки комплекса боевых средств, предназначенных для применения во время военных столкновений — меча или наборов из нескольких видов вооружения, особенно защитного¹⁵. Действительно, число найденных в гнёздовском некрополе мечей оказывается весьма значительным — 16. Однако в пределах достоверной выборки два или более двух видов предметов вооружения (включая меч) обнаружено примерно в 7% курганов с оружием. Совершенно очевидно, что такая доля «воинских» погребений не может определять основной характер памятника, а указывает лишь на то, что частью постоянного населения были участники военных походов и их предводители. Следует отметить также, что оружие, найденное в курганах, не обязательно принадлежало представителям специализированного воинского сословия или элиты. В Скандинавии престижным и

¹⁴ *Каинов С.Ю.* Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок в Гнёздово // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 49, 61; *Kainov S.* Swords from Gnězdovo // *Acta Militaria Mediaevalia*. Kraków; Rzeszów; Sanok, 2012. Т. VIII. S. 7–68. Из учтенных находок наконечников стрел (около 500) только 190 обнаружены в погребениях; больше всего стрел происходит из слоя Центрального городища, с территорией которого связана и большая часть найденных на поселении деталей мечей или их ножен (устная консультация С.Ю. Каинова).

¹⁵ *Каинов С.Ю.* К вопросу о количественной оценке погребений с предметами вооружения в Гнёздовском могильнике // XVI Сканд. конф. М., 2008. Ч. 1. С. 201.

дорогим оружием обладали не только короли или аристократическая верхушка, но и широкий круг свободных людей — представителей «среднего класса» эпохи викингов¹⁶.

В этой связи уместно привести данные подсчетов по материалам некрополя Бирки. Погребения с предметами вооружения составляют здесь чуть более 9%, причем более четверти из них содержали разные комбинации оружия, включая меч¹⁷. На основании находок оружия в погребениях и культурном слое на территории поселения в Бирке, в особенности в «Гарнизоне», шведские исследователи реконструируют воинскую структуру в рамках политэтнического населения города, но никто не рассматривает памятник в качестве дружинного лагеря¹⁸.

Третья концепция, выдвинутая, в первую очередь, Л.В. Алексеевым, оценивает Гнёздово как племенной центр кривичей¹⁹. Но на территории гнёздовского поселения не известны слои, которые можно было бы сопоставить с материалами селищ культуры длинных курганов («ранних кривичей»), а среди гнёздовских погребений мы не можем назвать ни одного, совершенного в соответствии с традициями этого населения, хотя женские украшения культуры смоленских длинных курганов встречены трижды в гнёздовских погребениях²⁰. Поселение, этническую неоднородность населения которого признавал и сам Л.В. Алексеев, никак не могло быть племенным центром.

Последняя, наиболее убедительная концепция, признающая Гнёздово раннегородским центром, сформировалась к концу XX в. Сейчас это поселение рубежа IX–X — начала XI в. рассматривают как единственный раннегородской центр на территории Смоленского Поднепровья и Подвинья эпохи становления Древне-

¹⁶ Pedersen A. Viking weaponry // *The Viking World*. L.; N.Y., 2012. P. 208–209.

¹⁷ Thälin-Bergman L. Die Waffengräber von Birka // *Birka II:2. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm, 1986. S. 5–10, Tab. 1:1.

¹⁸ Hedenstierna-Jonson Ch. The Birka Warrior. The material culture of a martial society // *Theses and papers in scientific archaeology*. Stockholm, 2006. Vol. 8. P. 48–63.

¹⁹ Алексеев Л.В. О древнем Смоленске (К проблеме происхождения, начальной истории и топографии) // *СА*. 1977. № 1. С. 91. Недавно совершенно справедливо эта концепция была кратко подвергнута критике В.С. Нефёдовым, археологическую аргументацию которого мы поддерживаем (см.: Нефёдов В.С. Смоленское Поднепровье и Подвинье. С. 271).

²⁰ Ениосова Н.В. Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнездове // *Археология и история Псковской земли. Материалы научного семинара за 2000 год*. Псков, 2001. С. 207.

русского государства²¹. Многие характеристики, полученные при комплексном анализе результатов археологического изучения, сближают Гнёздово с городскими центрами Северной Европы конца I — начала II тыс. н. э.

Среди археологических критериев начальных этапов урбанизации Северной Европы называют размеры памятника, превышающие масштаб обычного сельского поселения, доступность водных и сухопутных путей, доминирующую позицию в регионе и систему взаимосвязей как с окружающими поселениями, так и с центрами торговли на отдаленных территориях. Города эпохи викингов отличает относительно высокая плотность населения и наличие различных социальных групп; концентрация торговой и производственной деятельности и археологические свидетельства таких элементов инфраструктуры как разделение земли на участки, фортификация, портовые сооружения, открытые площади для рыночной торговли и системы дорог. Практически все эти характеристики применимы к Гнёздову: площадь поселения около 30 га, несколько тысяч курганов в составе некрополя, неоднородность социально-этнического состава населения, высокий уровень развития ремесла и торговли, наличие дорогих импортов, сосредоточие запасов драгоценного металла²². Характер археологических находок из Рибе, Каупанга, Бирки, Хедебю и Гнёздова свидетельствует об особом «городском» стиле жизни населения²³.

С интерпретацией Гнёздова в качестве раннегородского центра тесно связана гипотеза о формировании иерархии поселений конца I — начала II тыс. н. э. на территории Смоленского Поднепровья и Подвинья²⁴. Эта тема смыкается с вопросом о харак-

²¹ *Жарнов Ю.Э.* Погребальный обряд. С. 22; *Нефёдов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье. С. 277; *Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Енисова Н.В.* Гнёздовский археологический комплекс.

²² *Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Енисова Н.В.* Гнёздовский археологический комплекс.

²³ *Callmer J.* Urbanisation in Northern and Eastern Europe, ca.700–1100 // *Post-Roman towns, trade and settlements in Europe and Byzantium* (Millenium Studien. Vol. 5). B., N.Y., 2007. P. 234–238; *Steuer H.* Urban Settlement. Part 2: Central, Northern, Eastern and Southern Europe // *The Archaeology of medieval Europe 1. Eighth to Twelfth Centuries AD.* Aarhus. 2007. P. 129, 134–153; *Skre D.* The development of urbanism in Scandinavia // *The Viking World.* P. 83–93.

²⁴ *Нефёдов В.С.* Городища X в. и начало «окняжения» территории Смоленского Подвинья // *Новгород и Новгородская земля. История и археология.* Мат-лы науч. конф. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 250–259; *Он же.* Городище Рокот в структуре синхронных поселений Днепро-Двинского междуречья // XV Сканд. конф.

тере взаимосвязей Гнёздова с округой. На важность и сложность решения вопроса одному из авторов уже приходилось высказываться, отмечая при этом определенную территориальную удаленность Гнёздова от памятников культуры длинных курганов и скудость материала для проведения анализа²⁵.

Как уже отмечалось, географическое положение памятника на «переломе» водных систем открывало возможность движения как на запад — к Балтике по Западной Двине, так и на восток — по Оке и Волге. Вероятно, на левом берегу Днепра в районе Гнёздова начиналась дорога к притоку Днепра Сожу, ведущая на юг — в Среднее Поднепровье; а путь из Днепра на Ловать замыкался на Новгород. Функционирование Днепро-Ловатского участка «пути из варяг в греки», по мнению В.С. Нефедова, обеспечивала система поселений, которая входила в структуру транспортных коммуникаций, контролируемых гнёздовской элитой. Немногочисленные памятники этого круга оставлены небольшими группами населения, в составе которого были носители культуры смоленско-полоцких длинных курганов — ранние кривичи, а также скандинавы. Автор полагает, что находки импортов, среди которых встречаются предметы вооружения, монеты и украшения, указывают на участие кривичского населения в ближней и дальней торговле. Следует заметить, что за исключением находок стеклянных бус и бисера (самая массовая категория импортов в погребениях), иные свидетельства участия местного населения региона Верхнего Поднепровья в дальней торговле оказываются менее выразительными. К ним относятся не более 20 предметов северного облика — скандинавских фибул, плетеных бронзовых цепочек, железных ножей, роговых гребней и несколько десятков изделий, характерных для населения салтовской культуры лесостепи²⁶.

М., 2004. Ч. 1. С. 238-241. Наиболее развернуто гипотеза изложена в последней статье того же автора: *Он же*. Смоленское Поднепровье и Подвинье.

²⁵ *Puškina T.A.* Gnezdovo-boplassen: En boplass fra vikingtiden ved Øvre Dnepr // *Gunneria*. Trondheim, 1991. Vol. 64. S. 360.

²⁶ *Нефёдов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье. С. 282–283; *Он же*. Салтовские древности в смоленских длинных курганах // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. Мінск, 2002. № 17. С. 131–139. Автор отнес к «импортам» в широком смысле слова и такие считающиеся характерными для убора ранних кривичей предметы, как трехкольчатые и ромбовидные привески, производство которых документировано находками из Гнёздова и Городка на Ловати. Как показывают археологические материалы, в Гнёздове могли быть изготовлены и ножи указанных В.С. Нефёдовым типов, и гребни (ср.: *Пушкина Т.А.* Изделия косторезного

Относительно осязаемое количество восточных и византийских монет, торговый инвентарь и другие предметы «импорта», включая немногочисленный набор скандинавских украшений, обнаружены всего в двух пунктах системы транспортных коммуникаций — в Новоселках и Рокоте. С этими же памятниками, входящими в гнёздовскую округу, связаны находки 4 мечей, известных на территории Верхнего Поднепровья за пределами Гнёздова IX–X вв.²⁷

Более 40 лет назад Е.А. Шмидт указывал на отдельные находки материалов V–VII вв., предположив, что место возникновения гнёздовского поселения «было уже окультурено и в какой-то степени заселено во второй-третьей четвертях I тыс. н. э.». Автор осторожно заключил, что пока нельзя делать вывод о вхождении коренного населения первоначального земледельческого поселения в состав населения торгово-ремесленного поселка из-за хронологической нестыковки материалов²⁸. В недавних публикациях Ю. Кальмера и С.Ю. Каинова на основе немногочисленных находок предметов вооружения, украшений и керамики третьей четверти I тыс. н. э. вновь обсуждается вопрос о существовании Гнёздова в IX в.²⁹ Получение даты ранних слоев Гнёздова является важнейшей задачей полевых исследований Гнёздова³⁰, однако

ремесла из Гнездова (Труды ГИМ. Вып. 82). М. 1993. С. 57–68; *Пушкина Т.А., Розанова Л.С.* Кузнечные изделия из Гнездова // РА. 1992. № 2. С. 201–220). Однако немногочисленность подобных находок среди материалов культуры длинных курганов едва ли может говорить о стабильных связях ранних кривичей с ремесленниками Гнёздова.

²⁷ *Нефёдов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвине. С. 280.

²⁸ *Шмидт Е.А.* К вопросу о древних поселениях в Гнёздове // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1974. Вып. VIII. С. 157–158.

²⁹ *Каинов С.Ю.* Находки деталей мечей ранних типов на территории Гнёздова // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М., 2014. С. 43–44; *Callmer J.* At the watershed between the Baltic and the Pontic before Gnezdovo // From Goths to Varangians. Communication and cultural exchange between the Baltic and the Black sea. Aarhus, 2013. P. 71–72.

³⁰ По меткому замечанию польского исследователя П. Урбанчика, «археологи приходят на помощь историкам, протягивая руки, полные исключительных находок, например, золотых и серебряных кладов». Иногда они хорошо локализованы во времени и пространстве, но не несут на себе имен владельцев — исторических персонажей, которые были движущей силой социально-политического развития (см.: *Urbańczyk P.* What did early medieval authors know about structures of governance and religion in northern Central Europe // Trade and Communication Networks of the First Millennium AD in the northern part of Central Europe (Neue Studien zur Sachsenforschung. Bd. 1). Hannover, 2010. P. 356).

во многом усилия направлены на заполнение лакуны между летописными сообщениями, относящимися ко второй половине IX в., и существующими на сегодняшний день датировками культурного слоя и погребений: до сих пор не обнаружено ни одного погребения или «закрытого» комплекса на всех участках поселения, дату которых можно было бы опустить ниже рубежа IX–X вв., а «ранние» находки происходят либо из переотложенного слоя, либо найдены в слоях вместе с более поздними вещами. Нельзя считать убедительным аргумент о тотальном уничтожении ранних слоев активной деятельностью на поселении в X в. На примере таких памятников, как Бирка, Хедебю и Каупанг, существовавших с ранней эпохи викингов, или Упокра и Тиссё, возникших до эпохи викингов, хорошо видно, что ранние слои сохраняются, несмотря на последующее бурное развитие этих поселений и распашку на протяжении нескольких столетий³¹. Вещи, выбивающиеся из хронологических рамок, попадают в культурный слой в силу различных обстоятельств. Цветной, драгоценный и даже черный металл из-за его способности бесконечно менять форму всегда можно использовать вторично. Отсутствие собственных источников ювелирного сырья в странах Северной и Восточной Европы вплоть до XII в. привело к многократной переплавке вышедших из употребления вещей, включая лом римской эпохи³². Несмотря на отдельные находки третьей четверти I тыс. н. э., обнаруженные на территории археологического комплекса, пока нет данных, противоречащих утверждению, что Гнёздово возникло на свободном, никем не заселенном пространстве на рубеже IX–X вв.

Выбор места для поселения был обусловлен ландшафтной ситуацией и благоприятными климатическими условиями: в этот относительно засушливый период пойма Днепра не затоплялась в половодье и была пригодна для освоения³³. Первоначально площадь заселенных участков не была значительной и составляла не более 1–2 га. К раннему этапу функционирования могиль-

³¹ *Hårdh B.* Scandinavian Metalwork // Things from the Town. Artefacts and Inhabitants in the Viking-age Kaupang (Kaupang Excavation Project Publication Series / Ed. by D. Skre. Vol. 3). Aarhus, 2011. P. 59–61.

³² *Forshell H.* The inception of copper mining in Falun. Stockholm, 1992. P. 165–168.

³³ *Зазовская Э.П., Бронникова М.А.* Палеоландшафты Гнёздова: реконструкция, перспективы исследования // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Археологический сборник (Труды ГИМ. Вып. 124). М., 2001. С. 197–201.

ника относится незначительное число погребений, что вполне соответствует скромным масштабам освоенной территории.

Топография находок на самых древних участках поселения — в юго-западной части Центрального городища, мысовой части Западного и пойменной части селища — свидетельствует, что с самого начала здесь жили скандинавы и славяне. Эти наблюдения подтверждаются данными о погребальном обряде, формах оружия, орудий труда, украшений и глиняной посуды. Присутствие среди гнёздовского населения ранних кривичей требует более убедительных доказательств, чем обнаруженные здесь следы изготовления украшений, характерных для населения смоленско-полоцких длинных курганов, и отмечаемая рядом исследователей близость некоторых форм лепной керамики. Следует еще раз подчеркнуть, что среди многочисленных раскопанных курганов в Гнёздове нет ни одного, в котором можно было бы увидеть погребение, аналогичное погребальным сооружениям культуры длинных курганов³⁴.

Расцвет Гнёздова пришелся на вторую половину X в.: площадь поселения увеличилась и достигла максимального размера (около 30 га) благодаря расширению застройки в границах поймы и освоению новых значительных участков вдоль и вглубь надпойменной террасы по обоим берегам Свинца (рис. 1). Исследования территории поселения показали его неоднородную структуру и наличие различных зон: жилых, производственных, а также участков, связанных с функционированием Гнёздова как речного порта³⁵. Следы производственной деятельности в виде находок инструментов, бракованных изделий, заготовок и запасов сырья отмечены на всех исследованных участках, начиная с самого раннего периода его существования. В эпоху расцвета поселения (середина — вторая половина X в.) функционировало не менее 5 производственных зон, в пределах которых концентрируются находки, связанные с обработкой черного, цветного и драгоцен-

³⁴ Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс. С. 270–271.

³⁵ Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс. С. 251–255; Пушкина Т.А., Ениосова Н.В., Мурашева В.В. Изучение. С. 186. Очень выразительными в этой связи являются находки фрагментов ладей (шпангоута, уключин) и весел, происходящие с территории пойменной части селища вблизи древней береговой линии Днепра, а также заметная концентрация железных заклепок в этой части поселения.

Рис. 1. Схема Гнёздовского комплекса археологических памятников.

1 — Центральное городище; 2 — Центральное селение; 3 — Центральная группа курганов; 4 — Глушецковская группа курганов; 5 — Лесная группа курганов; 6 — Левобережная группа курганов; 7 — Днепровская группа курганов; 8 — Ольшанская группа курганов; 9 — Ольшанское городище; 10–11 — Ольшанские селище; 12 — Правобережная Ольшанская группа курганов

ного металла. В мастерских изготавливали украшения для скандинавских и славянских женщин, уздечные и поясные накладки волжско-болгарской традиции и изделия, характерные для культуры длинных курганов³⁶.

Судя по мощности и характеру напластований культурного слоя, застройка и активность жизни на территории поселения была неравномерной. На «обжитых» участках постройки неоднократно возобновлялись или перестраивались — это особенно отчетливо зафиксировано в юго-западной части площадки городища, где на ограниченном пространстве сооружения различной конструкции воздвигались на протяжении середины — второй половины X в. не менее трех раз. Неоднократное обновление или перестройка производственных сооружений прослежены и в пределах пойменной части поселения³⁷. Другие участки забрасывались и образовывали пустыри — на это красноречиво указывает неравномерность мощности и насыщенности пятен культурного слоя на территории селища. При этом застройка пространства не была хаотичной — на некоторых участках пойменного и Восточного селища зафиксированы признаки усадеб, границы которых обозначены канавами или частоколами. Площадь некоторых из этих участков могла достигать 200 кв. м. Усадебная планировка выявлена уже на раннем этапе существования таких городов, как Риббе, Каупанг, Дублин, Старая Ладога и Новгород, прослеживается она и на некоторых поселениях роменской культуры Левобережья Днепра³⁸.

С ростом поселения связан и рост могильника. Абсолютное большинство исследованных во всех восьми группах курганов

³⁶ Ениосова Н.В. Находки — индикаторы ювелирного производства из раннегородского центра Гнездова // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Тезисы научной конференции, посвященной 110 годовщине со дня рождения И.И. Ляпушкина. СПб., 2012. С. 209–215. Работами последних лет еще одна производственная зона второй половины X в. определена в северо-западной части селища (см.: Пушкина Т.А., Ениосова Н.В., Каинов С.Ю., Новиков В.В., Шарганова О.Л. Изучение Центрального поселения в Гнездове // Археологические открытия 2010–2013 годов. М., 2015. С. 242).

³⁷ Мурашева В.В. Актуальные проблемы. С. 394–395.

³⁸ Skre D. Towns and Markets, Kings and Central Places in South-western Scandinavia c. AD 800–950 // Kaupang in Skiringssal (Kaupang Excavation Project Publication Series / Ed. by D. Skre. Vol. 1). Aarhus, 2007. P. 452–454; Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула, 2005. С. 32–33.

было возведено в период «позднего Гнёздова», то есть в середине — второй половине X в. Анализ керамического материала, происходящего из погребений, позволяет наметить основные этапы развития могильника³⁹. С ранним периодом соотносятся немногочисленные курганы, возведенные над кремированными остатками жителей Гнёздова вблизи восточной, северо-западной и западной границ поселения — это некоторые курганы Лесной и частично Центральной групп. Среди них и известный курган Л-13, давший наиболее раннюю для Гнёздова находку византийской амфоры со славянским граффити. В «поздний период» формируются, располагаясь вдоль берега ниже по течению Днепра, остальные курганные группы, Днепровская, Ольшанская и Правобережная Ольшанская, и продолжают расти Лесная и Центральная⁴⁰. Причем стоит отметить, что наиболее поздние погребения Лесной курганной группы оказываются расположенными как вблизи ее границы с поселением, так и на далекой северной и южной периферии могильника. К позднему периоду относятся одиночные и парные погребения, совершенные по обряду кремации под невысокими насыпями, и так называемые большие курганы, обряд кремации которых достаточно сложен; одиночные ингумации в подкурганых ямах и камерах. Среди них несколько погребений с височными кольцами самой простой формы в виде проволочных перстнеобразных с завитком на конце — это самое распространенное славянское украшение, не имеющее определенной племенной привязки. К этому же времени относятся и мужские погребения в камерах, сопровождаемые верховыми лошадьми. К концу «позднего периода» общее число курганов в Гнёздове достигало 4500–5000, которые образовали не менее восьми групп, вытянутых в основном вдоль правого берега Днепра. Наиболее значительные из них — это Лесная и Центральная группы, насыпи которых вплотную подходят к границам селища, окружающего Центральное городище. Можно предполагать, что

³⁹ Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Енисова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс. С. 271; Каменецкая Е.В. К вопросу о хронологии и топографии Гнёздова по керамическому материалу // Славяне и иные языки... (Труды ГИМ. Вып. 198). М., 2014. С. 146.

⁴⁰ Заметим, кстати, что установление более позднего времени формирования Ольшанской и Правобережной Ольшанской курганных групп по отношению к Центральной и Лесной группам полностью лишает смысла предположение А.А. Спицына о возникновении Гнёздовского поселения на р. Ольше.

не ранее второй половины X в. сформировалось западное крыло Гнёздовского комплекса в устье р. Ольшанки, в его состав вошло селище и курганы Ольшанской и Правобережной Ольшанской группы, погребения которых содержали только гончарные урны.

Судя по материалам курганного некрополя, приблизительная численность населения Гнёздова достигала 800–1100 человек, его отличала стабильная демографическая структура и очевидная социальная дифференциация. Гнёздовское общество включало в себя группы людей, связанных с воинской службой — местную элиту в большинстве своем скандинавского происхождения. Несмотря на то, что археологические свидетельства не позволяют достоверно реконструировать структуры власти, мы можем предположить, что рост раннегородского центра на Верхнем Днепре был неразрывно связан с местными правителями. С помощью военного и административного аппарата они осуществляли защиту территории от нападений, организацию транспортных коммуникаций, регулирование и защиту торговли и ремесла и безопасность сезонного торжища. Вероятно, демографическая разница между «летним» и «зимним» населением в какой-то мере регулировалась правилами, определявшими условия длительного пребывания «гостей» в сезон навигации или в период использования зимнего пути. Даже транзитные путешественники, направляясь к далекой цели, во время кратких остановок должны были вступать в отношения с людьми, исполнявшими административные функции.

Находки из погребений, кладов и культурного слоя гнёздовского поселения свидетельствуют, что среди его жителей было немало «преуспевающих» людей: воинов, слуг местных правителей, купцов, богатых ремесленников — кузнецов и ювелиров, владельцев земли и угодий, а также представителей их семей. Они имели доступ к ресурсам для процветания в виде движимого богатства — серебра, а также «недвижимые ценности» — пахотные участки и луга. Высокая концентрация престижных импортов — византийских амфор, монет и украшений из драгоценных металлов, стеклянных сосудов, каменных бус и шелка — свидетельствует о высоком качестве жизни представителей гнёздовской элиты. Возможно, они использовали дорогие и редкие вещи для укрепления связей и союзов. С этими группами населения связаны гнёздовские погребения с шейными железными гривнами или совершенные в ладьях, сопровождаемые ритуалом

особого обращения с оружием, металлическими ритуальными котлами, набором характерных женских украшений или языческих амулетов, а также камерные погребения⁴¹.

Данные споро-пыльцевого, карпологического и остеологического анализов свидетельствуют, что возделывание культурных растений и пастбищное хозяйство играли важную роль в экономике поселения и в какой-то мере обеспечивали жизненные потребности людей. Незначительная площадь остатков пахотных угодий, обнаруженных в западной части Гнёздовского комплекса под курганами Днепровской группы, и характер палеоландшафта того времени, говорят о том, что население города на Верхнем Днепре не могло полностью обеспечить себя продуктами и должно было получать их значительную часть извне⁴².

Как было замечено, определенные трудности в вопросе продовольственного снабжения могли возникать с вероятным увеличением населения в зимний период, с декабря по апрель, в период наиболее активного функционирования Днепро-Ловатского отрезка «пути из варяг в греки»⁴³. Решить эту проблему могли хорошо налаженные контакты с ближайшей сельскохозяйственной округой. Их характер, возможные пути взаимодействия и степень прочности пока невозможно оценить из-за скудости материала.

Топография археологических памятников микрорегиона достаточно красноречива — ближайшие к Гнёздову длинные курганы и соответствующие им поселения расположены на расстоянии нескольких десятков километров. Трудно судить также о контактах с населением, оставившим хронологически близкие Гнёздову древнерусские памятники, изученные чрезвычайно слабо⁴⁴. Было высказано предположение, что в обмен на продукты сельского хозяйства ранние кривичи могли получать в Гнёздове продукцию кузнечного, косторезного и ювелирного ремесла, а также стеклянный бисер⁴⁵.

Вероятно, направление части сухопутных дорог, связывавших Гнёздово с округой, нашло отражение в характере расположения курганных групп — они достаточно ясно видны на топографиче-

⁴¹ Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд. С. 138–259.

⁴² Кирьянова Н.А., Пушкина Т.А. Сельскохозяйственная деятельность населения древнего Гнёздова // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008. С. 176.

⁴³ Нефёдов В.С. Смоленское Поднепровье и Подвинье. С. 281–282.

⁴⁴ Там же. Рис. 1.

⁴⁵ Там же. С. 282–283.

ском плане (рис. 1). Так, одна из дорог, которая могла связывать гнёздовское поселение с расположенным в 5 км к северо-востоку от него небольшим поселком в районе современных Новоселок, отмечена двумя вытянутыми вдоль нее скоплениями курганов Лесной группы. Вторая дорога угадывается на западе вдоль расположенных цепочкой курганов на краю днепровской террасы Днепровской группы.

Топография находок восточного монетного серебра и скандинавских древностей Смоленского Поднепровья в IX–X вв. свидетельствует об их концентрации в Гнёздове и его ближайшей округе. Лишь единичные экземпляры восточных монет и предметов северного происхождения встречены в материалах других памятников этого региона. В пределах Смоленской земли, включающей территорию Верхнего Поднепровья, Верхнего Подвинья и их междуречье, известно более 20 кладов IX–X вв. Все клады IX в. обнаружены на памятниках, расположенных в бассейне Западной Двины, Верхней Волги и в системе мелких притоков правобережного Днепра в районе его резкого поворота на юг. Распределение кладов в общих чертах соотносится с распределением на этой территории единичных находок вещей североевропейского происхождения⁴⁶. Клады раннего времени из центральных регионов Смоленского Поднепровья неизвестны. Топография кладов X в. совсем иная: тринадцать из них происходят из Гнёздова, два — из его ближайших окрестностей (Дубровенка и Боровая), еще два найдены на юге в верховьях реки Сож (Барсуки, Сож)⁴⁷.

В составе гнёздовских кладов сохранилось более 1400 восточных серебряных монет (целых и обломков, с пробитыми отверстиями или приклепанными ушками) и две византийские номисмы, превращенные в подвески, а также различные предметы, преимущественно украшения. В их числе 190 изделий из золота и серебра, среди которых есть вещи славянского, скандинавского и восточного происхождения. Большая часть этих сокровищ сосредоточена в самом знаменитом и крупном гнёздовском кладе, обнаруженном в 1867 г. Следует особо отметить, что этот ком-

⁴⁶ *Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб., 2010. С. 485–509.

⁴⁷ *Пушкина Т.А., Мурашова В.В., Енисова Н.В.* Гнёздовский археологический комплекс. С. 267; *Леонтьев А.Е., Носов Е.Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII — X вв. // Русь в IX–X веках. Рис. 2, 3.

плекс не может быть датирован на основе *terminus post quem* из-за недостоверных обстоятельств обнаружения и неполного монетного состава⁴⁸. А.С. Гущин полагал, что наиболее вероятное время выпадения клада — последняя треть X в.⁴⁹. Косвенным подтверждением этой даты являются следы многократного ремонта круглых серебряных фибул, собранных из 3–5 частей различных украшений, — их носили долгое время, прежде чем клад оказался сокрытым в восточной части гнёздовского селища. Сочетание в орнаменте неожиданных стилистических черт свидетельствует о работе мастера, «плохо представляющего модные течения ювелирного искусства» на родине⁵⁰. Роскошные фибулы — часть престижного и дорогого убора, полученного в наследство женщиной, проживающей на удаленной от Скандинавии территории. Владелица клада и ювелир, чинивший дорогие для нее фибулы, принадлежали, вероятно, к последнему поколению гнёздовских скандинавов.

Второй аргумент в пользу того, что клад 1867 года можно датировать финальным периодом существования Гнёздова, основан на данных по химическому составу серебра эпохи викингов. Только в этом комплексе есть несколько скандинавских украшений, выполненных из металла переплавленных английских монет, поступивших на территорию Скандинавии после выплат огромной дани (*Danegeld*) датскому конунгу Кнуту в 991 г.⁵¹.

Концентрация значительного объема серебра в руках местной элиты указывает на то, что основное направление торговой активности определяли восточные связи. Резкое увеличение вво-

⁴⁸ Пушкина Т.А. Первые Гнёздовские клады: история открытия и состав // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998. С. 371–374, 376.

⁴⁹ Гущин А.С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. М.; Л., 1936. С. 53.

⁵⁰ Neiß M., Sholts S., Wärmländer S. 3D Laser scanning as a tool for Viking studies // Virtual Archaeology (nondestructive methods of prospections, modeling, reconstructions). SPb., 2012. P. 174–178.

⁵¹ Hårdh B. Wikingertidens Depottfunde aus Südschweden. Probleme und Analysen (Acta Archaeologica Lundensia Series in 8° Minore. No. 6). Lund, 1976. S. 110–112; 115–119; Eniosova N.V. Tracing the routes of silver procurement to the early urban centre Gnezdovo in the 10th — early 11th centuries // Die Archäologie der frühen Ungarn. Chronologie, Technologie und Methodik. RGZM — TAGUNGEN. Mainz, 2012. Bd.17. S. 270–273.

за восточной монеты, начавшееся в конце первого десятилетия и достигшее максимума к середине X в.⁵², нашло отражение в хронологическом составе гнёздовских находок — саманидские дирхамы первой трети X в. составляют среди них около 53%. Можно достаточно уверенно говорить о регулярном притоке серебра в Гнёздово в этот период. Анализ погодного чекана арабских монет из состава кладов и даты дирхамов, найденных на поселении и в погребальных комплексах, позволяют выделить три одновременных потока монетного серебра, поступившего в Гнёздово. Первый пик фиксируется во второй четверти X в., вторая волна достигает Гнёздова в 40–50-е гг. этого столетия. Завершающий, отчетливо прослеживаемый приток восточных монет в Гнёздово относится к концу 50-х — началу 60-х гг. X в. Значительная часть всех дирхамов выпала из обращения в виде 11 одиннадцати денежных и денежно-вещевых кладов, образующих пять хронологических групп, время сокрытия которых формально определяется по младшей монете (табл. 1).

Таблица 1

Хронологические группы гнёздовских кладов

Группа кладов	Т.р.г комплексов/дата находки и категория клада	Хронологические рамки группы
1	925/1975 (монетный)	Конец 20-х гг. X в.
2	936/1973 (монетный) 937/2010 (монетный)	Конец 30-х гг. X в.
3	946/2001a (производственный) 949/1870 (денежно-вещевой) 950-е гг./2007 (денежно-вещевой) 952/1993 (денежно-вещевой с торговым инвентарем) 954/2001б (денежно-вещевой) 954/1909 (денежно-вещевой)	Конец 40-х — конец 50-х гг. X в.
4	961/ 1885 (денежно-вещевой)	Первая половина 60-х гг. X в.
5	? / 1867 (денежно-вещевой) ? / 1940 (вещевой) ?/2013 (клад торгового инвентаря)	Последняя треть X в.

⁵² Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории средневекового Новгорода. М., 2009. С. 136–146.

По наблюдениям А.В. Фомина, активное выпадение кладов происходит в узловых и конечных пунктах движения монетного потока, причем «тезаврация сокровищ происходила не в периферийных районах, а в центрах *при условии задержки серебра на местном рынке* (выделено нами. — Авт.) и при условии нарушения обычных средних норм ввоза монет»⁵³. Несколько десятилетиями ранее В.Л. Янин указывал на преобладание экономических факторов выпадения денежно-вещевых кладов над политическими⁵⁴.

Концентрация близких по условной дате сокрытия кладов на территории одного памятника вызывает естественное желание соотнести этот факт с историческими событиями, отраженными в летописных свидетельствах. В недавней статье, посвященной вопросам раннего политогенеза Смоленского Поднепровья и Подвинья, В.С. Нефёдов разделил известные ему восемь гнёздовских кладов на две типохронологические группы (920-е — начало 940-х гг. и конец 940-х — начало 960-х гг.), связывая второй период с катастрофическими событиями военного разгрома Гнёздова. Автор датировал предполагаемые события первой половиной 960-х гг. и связал их с крупной военно-административной акцией с целью подчинения Смоленска/Гнёздова власти Киева⁵⁵. В.В. Мурашева также привлекает компактные даты тезаврации гнёздовских кладов для реконструкции политических процессов, происходивших в Верхнем Поднепровье в середине X в. Она рассматривает клады 950-х — начала 960-х гг. как одно из доказательств насильственных изменений, зафиксированных в материальной культуре в период установления прямой зависимости Гнёздова от центральной киевской власти — погостами и данями

⁵³ *Фомин А.В.* Топография кладов куфических монет X в. междуречья Днепра и Десны // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988. С. 80.

⁵⁴ *Янин В.Л.* Рецензия на: Корзухина Г.Ф. Русские клады X–XIII вв. М.; Л., 1954 // СА. 1956. № XXV. С. 364.

⁵⁵ *Нефёдов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье. С. 288–289. На наш взгляд, использованное В.С. Нефедовым разделение гнёздовских кладов на две типохронологические группы не отражает реальной ситуации, поскольку в состав «смешанных кладов» входят не только предметы парадного убора, но и запасы сырья вместе с торговым инвентарем, т. е. столь же условно эти комплексы делятся на «денежные, сокровища и ремесленные клады» (ср.: *Пушкина Т.А.* Клад «ювелира» периода викингов из Верхнего Поднепровья // *Arheoloģija un Etnogrāfija*. Rīga, 2010. Т. XXIV. Tab. 1).

княгини Ольги⁵⁶. Обратим внимание на то, что в хронологические интервалы, предложенные В.С. Нефедовым для гнёздовских кладов, вписываются многие комплексы, обнаруженные на отдаленных друг от друга территориях. В сводке кладов, составленной А.А. Гомзиным для статьи А.Е. Леонтьева и Е.Н. Носова, есть сведения о примерно тридцати кладах 20–40-х гг. и двадцати кладах 50–60-х гг. X столетия, обнаруженных на территории Восточной Европы. Обе группы в равной мере представлены в двух обособленных областях, сложившихся до образования Древнерусского государства, соответствующих Южной и Северной Руси⁵⁷. Даты как гнёздовских, так и всех остальных кладов, традиционно определяемые датой чеканки младшей монеты, следует считать достаточно условными, учитывая периоды участия тех или иных монет в обращении. Временной разрыв между датой выпуска младшей монеты клада и датой его «невозврата», достигающий 10–25 лет, хорошо показывают дендродаты слоя, в котором были обнаружены три новгородских клада X в.⁵⁸

Практически все гнёздовские клады были обнаружены на различных участках поселения, и лишь один из них (монетный — т.р.к 937) — за его пределами, но поблизости от крайних курганов Днепровской группы на трассе предполагаемой сухопутной дороги⁵⁹.

В.М. Потиним была отмечена прямая связь между кладами и количеством находок монет в погребениях: там, где богаче клады, там больше единичных находок монет в курганах⁶⁰. Из погребений и с территории гнёздовского поселения происходит более 500 серебряных, медных и золотых монет, выпущенных с VI по XI в. на различных монетных дворах Востока, Византии и Западной Европы. Среди нумизматических материалов решительно преобладают серебряные дирхамы и болгарские подражания куфическим монетам — они составляют около 90% гнёз-

⁵⁶ *Мурашева В.В.* Актуальные проблемы исследования Гнёздова. С. 398–399.

⁵⁷ *Леонтьев А.Е., Носов Е.Н.* Восточноевропейские пути. С. 384, рис. 2.

⁵⁸ *Гайдуков П.Г., Федоров-Давыдов Г.А., Янин В.Л.* Новый клад куфических монет из Новгорода // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва 17–21 апреля 2000 г. Тезисы. М., 2000. С. 55–56.

⁵⁹ *Зозуля С.С., Каинов С.Ю., Гомзин А.А.* Клад куфического серебра из Гнёздова // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. М., 2014. С. 50–58.

⁶⁰ *Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв.: историко-нумизматический очерк. Л., 1968. С. 29.

довской коллекции. Чуть более 9% — это византийские монеты; западноевропейские денарии представлены двумя экземплярами. Примерно четверть находок происходит из 52 погребальных комплексов. Как в погребениях, так и на территории поселения среди находок есть монеты, превращенные в подвески, однако их число весьма незначительно. В обеих выборках велика роль фрагментированных монет: их доля достигает 80% среди 359 монет, найденных на поселении. Этот показатель практически вдвое превышает процент фрагментированных монет в кладах (38%). По концентрации восточного серебра Гнёздово сопоставимо с такими памятниками как Бирка, Рюриково городище и ранние слои Новгорода. В этих выборках также доминируют разрезанные на фракции дирхамы.

В Бирке найдено более 1000 монет, включая 4 клада в составе которых 600 экземпляров восточной чеканки. Более 230 находок происходит из погребений, известны также многочисленные случайные находки с различных участков памятника. Монеты с поселения в большинстве своем фрагментированы: более 70% составляют обломки, по размеру не превышающее четвертинки дирхама⁶¹. К 2005 г. среди материалов Рюрикова городища были учтены 144 единичные находки (91% — фрагменты) и более 15 монет в составе 3 кладов, большинство из которых — обломки. Эту коллекцию дополняют более 77 случайных находок на отрясах Ильмена. Полные данные о находках из Новгорода пока не опубликованы, но в 2005 г. было известно о шести отдельных монетах и двух кладах куфических монет X в., содержащих 1600 дирхамов, более 80% которых фрагментировано⁶². Еще один клад конца X — первой половины XI в. состоял из 57 целых западноевропейских и 2 византийских монет, одна из которых обрета⁶³. Сравнительные данные о фрагментации монет в кладах и культурном слое, открытых до второй половины прошлого века,

⁶¹ Blackburn M. The Coin-finds // Means of Exchange. Dealing with Silver in the Viking Age (Kaupang Excavation Project Publication Series / Ed. by D. Skre. Vol. 2). Aarhus, 2007. P. 45–47.

⁶² Гайдуков П.Г., Молчанов А.А., Носов Е.Н. Находки восточных монет VI–X вв. на новгородском (Рюриковом) городище // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 82–88.

⁶³ Гайдуков П.Г., Янин В.Л. Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X — первой половины XI в. // ДГВ. 1994 г. Новое в нумизматике. М. 1996. С. 151–170.

следует помнить, что обнаружение мелких фрагментов зависит от техники раскопок, либо от случайных обстоятельств находок комплексов кладов, часто прошедших через многие руки. Очевидно также, что исследование культурного слоя без промывки или просеивания не позволяет полноценно извлекать мелкие части дирхамов из почвы. Так, например, резкое увеличение количества куфических монет, найденных на поселении Крутик в верховьях Шексны, связано с полной промывкой культурных напластований. Среди найденных на ситах обломков преобладают мелкие фрагменты⁶⁴.

Концентрация рубленного монетного серебра в культурном слое поселения в сочетании с находками весов и гирек, по мнению некоторых исследователей, отражает местные потребности в мелких номиналах, говорит о многократном переходе весового серебра из рук в руки, разнообразии товаров для продажи и покупки и значительной вовлеченности населения в торговые и обменные операции. В то же время высокий процент находок монет-подвесок указывает на доминирующую репрезентативную роль серебра в обществе, включая обмен дарами внутри элиты⁶⁵.

Торговый инвентарь — весы и гирьки составляют особую группу гнёздовских находок. На разных участках поселения обнаружено более 170 экземпляров разновесок, а также детали складных весов. Приспособления для взвешивания в виде единичных предметов или небольших наборов входили в погребальный инвентарь 52 курганов, большинство из которых расположено в Центральной и Лесной группах, наиболее тесно связанных с Центральным поселением. Приблизительно четвертая часть гнёздовских погребений с гирьками и весами содержала предметы вооружения, чаще всего наконечники стрел. Приспособления для взвешивания обнаружены в парных и одиночных захоронениях, в том числе и женских. В некоторых погребениях гнёздовского некрополя как раннего, так и позднего периодов торговый инвентарь сочетается с находками скоплений монет, единичными целыми экземплярами и фрагментами. К ним относится известный курган Л-13 со скандинавским парным сожжением, в котором оказалась гирька и 5 аббасидских монет (три из них в виде

⁶⁴ Захаров С.Д. Белоозеро // Русь в IX–X веках. С. 223–276

⁶⁵ Blackburn M. The Coin-finds. P. 63–67 ; Hårdh B. Silver in the Viking Age. A Regional-Economic Study. Stockholm, 1996. P. 86.

обрезков). Парное сожжение кургана Л-23 содержало 2 гирьки разных форм и целый дирхам начала X в.; в богатом скандинавском парном сожжении Лб-1 вместе с весовой гирькой найдены 2 целых дирхама и обломки еще восьми монет; комплекс мужского труположения из Центральной группы (курган Ц-66) включал свинцовую гирьку и обломок саманидского дирхама первой половины X в.; парное сожжение кургана Ц-251 — две гирьки и фоллис Романа I (919–921); детское труположение кургана Дн-51 сопровождали миниатюрные складные весы в кожаном футляре и набор мелких обрезков восточных монет X в. Самое раннее погребение из указанных датировано вторым десятилетием X в., самое позднее — последней четвертью столетия.

В составе двух денежно-вещевых кладов, обнаруженных в восточной части селища, разновески были представлены наборами, отличающимися по форме, размерам и весу. На пойменном участке поселения найден также необычный клад торгового инвентаря, состоящий из складных весов в футляре, набора гирь для малых взвешиваний и нескольких скандинавских амулетов⁶⁶. В древнерусских кладах весы и гирьки встречаются исключительно редко, сейчас мы можем назвать четыре находки: новгородский клад XI в., найденный в 1938 г.; первый Неревский клад 970-х гг.; Подборовский клад конца X в. и Брилевский клад 90-х гг. IX в.⁶⁷. Единичные случаи находок весов и гирек в кладах X — начала XI в. известны в Южной Скандинавии и на территории Прибалтики⁶⁸.

⁶⁶ *Пушкина Т.А.* Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнёздово (К истории древнерусского города). М., 1991. С. 226–234; *Пушкина Т.А.* Новый Гнёздовский клад // ДГ. 1994 год.: Новое в нумизматике. М., 1996. С. 171–186; *Пушкина Т.А.* Новые монетно-вещевыеклады из Гнёздова // Великий Новгород и средневековая Русь. Сб. статей к 80-летию академика В.Л.Янина. М., 2009. С.526–527; *Авдусина С.А.* Клад торгового инвентаря из Гнёздова // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань, 2014. Т. III. С. 10–11.

⁶⁷ *Строков А.А., Богусевич В.А., Мантейфель Б.К.* Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 году // Новгородский исторический сборник. Новгород. 1939. Вып. 5.; *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы. С. 173; *Рабицэвіч В.Н., Плавінскі М.А., Іоў А.В.* Брылёўскі скарб. Мінск, 2011. С. 221.

⁶⁸ *Hårdh B.* Wikingertidliche Depotfunde aus Südschweden. Katalog und Tafeln (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4°. No. 9). Lund, 1976. S. 22, 23, 36, 42–45; *Strömberg M.* Untersuchungen zur jüngeren Eisenzeit in Schonen. II: Katalog und Tafeln (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4°. No. 4). Lund, 1961. S. 61, Taf. 76:4; *Urtāns V.* Senākie depoziiti Latvijā (līdz 1200. gs.). Rīga, 1977. Lpp. 176–180, att. 86:18–18a.

В целом на сегодняшний день гнёздовская коллекция насчитывает 250 гирек и более 30 деталей и фрагментов складных весов, иногда дополненных футлярами для их хранения из металла и органических материалов. Эти цифры сопоставимы с данными по такому памятнику поздней эпохи викингов, как Бандлунде на Готланде. Здесь в культурном слое поселения обнаружено 153 разновески, причем почти 90% из них — это многогранные и сферические гирьки из медных сплавов и омедненного железа. Около 200 гирек найдено на торгово-ремесленном поселении Упокра в провинции Сконе на Юге Швеции. Этот памятник существовал с раннего железного века до поздней эпохи викингов. Здесь представлено другое соотношение типов разновесок: доля сферических экземпляров и кубооктаэдров составляет только 30%. В выборке преобладают различные типы свинцовых гирек, характерные больше для IX в. В Гнёздове они представлены двумя десятками экземпляров из раскопок поселения. По этой же причине трудно сравнивать гнёздовские материалы с находками из Бирки. Концентрация весовых гирек в некрополе и на поселении этого памятника значительно выше, чем в Гнёздове; они найдены в 148 из 1100 раскопанных в Бирке погребений — 252 штуки, а также на двух участках поселения (*Svarta Jorden, Stadsvallen*) — 293 экземпляра. Среди них меньше всего сферических гирек (6%), многогранные разновески составляют 19%, более 75% — это свинцовые экземпляры. В могильнике, напротив, доминируют сферические гирьки (63%), а кубооктаэдры и свинцовые разновески представлены почти равными долями (18–19%)⁶⁹. Сопоставляя материалы Бирки и Гнёздова, нельзя забывать и о значительных хронологических различиях. Памятник на озере Меларен возник примерно на 150 лет раньше, чем город на Верхнем Днепре, который, в свою очередь, существовал еще несколько десятков лет после заката Бирки в 70-е годы X в.⁷⁰ Самая многочисленная группа гирек шведского города в IX в. — свинцовые разновески — в X в. уступают место наиболее популярным типам поздней эпохи викингов — сферическим и многогранным гирькам.

⁶⁹ *Gustin I. Mellan Gåva och Marknad. Handel, tillit och materiell kultur under vikingatid // Lund Studies in Medieval Archaeology. 2004. B. 34. S. 89–96.*

⁷⁰ *Jansson I. Ovals spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet (AUN. 7). Uppsala, 1985. S. 178–186.*

Появление складных весов и стандартных гирек напрямую связано с фрагментацией монет. Их распространение на территории Северной и Восточной Европы вызвано повседневной необходимостью совершать мелкие торговые операции, а также выплачивать дань, налоги и долги, взвешивая целые дирхамы и их фракции — от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{12}$ частей. Судя по находкам в культурном слое и погребениях, наборами весов обладали воины, торговцы, ремесленники, женщины и другие жители городов, торгово-ремесленных и сельских поселений. Весы и гири были обязательным атрибутом ювелира. Вероятно, представители элиты, выполняющие административные функции, в какой-то мере следили за операциями купли-продажи и обмена. Они могли, например, контролировать производство гирек, выступая гарантами их точного веса⁷¹. Однако массовый характер находок весовых гирек на таких памятниках, как Риббе, Каупанг, Бирка, Хедебю, Упокра и Гнёздово свидетельствует, что помимо операций купли-продажи под административным контролем процветала и мелкая свободная торговля, позволяющая получать прибыль рядовым жителям города⁷².

На территории Смоленского Поднепровья за пределами Гнёздовского археологического комплекса находки монет и торгового инвентаря на памятниках этого времени известны мало. Единичные экземпляры весов, их фрагментов или гирек встречены в курганах Новоселок и на городище Рокот — памятниках, близких к Гнёздову территориально и по некоторым характеристикам, но гораздо меньшего масштаба. Они обнаружены также в нескольких отдаленных от Гнёздова пунктах — Арефине, Слободе, Лопине и Сукромле (весы)⁷³. Столь же невелико и число памятников с находками монет — это уже названные Новоселки (обрезок восточной монеты) и Рокот (около 10 монет из культурного слоя, в том числе византийский фоллис). В Новоселках об-

⁷¹ *Söderberg A. & Holmquist Olausson L.* On Bronzing Iron Objects — Archaeological Evidence of Weight-Manufacture in Viking Age Scandinavia // *Proceedings of the VII Nordic Conference on the Application of Scientific Methods in Archaeology.* Savonlinna, 1996. P. 188–192.

⁷² *Gustin I.* Mellan Gåva och Marknad. S. 256–258.

⁷³ *Пушкина Т.А.* Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнёздово (К истории древнерусского города). М., 1991. С. 226; *Енисосова Н.В., Нефёдов В.С.* Погребение странствующего ювелира X в. близ д. Лопино под Смоленском // *Археологический сборник. Памяти М.В. Фехнер (Труды ГИМ. Вып. 111).* М., 1999. С. 64–67.

резок восточной монеты и обе гири найдены в скандинавском погребении с мечом⁷⁴.

Одна из наиболее выразительных черт материальной культуры Гнёздова — обилие вещей скандинавского происхождения. Для того, чтобы оценить степень их концентрации в Верхнем Поднепровье, достаточно обратиться к топографии находок характерных женских украшений, амулетов, бытовых изделий и предметов вооружения, попавших на Русь из Северной Европы. Следует заметить, что на данном этапе исследования сравнение производилось без учета типов памятников и их периодизации. В перспективе сопоставление следовало бы провести более строго по единому списку категорий находок, отдельно для поселений, могильников и кладов и внутри отдельных хронологических периодов. К сожалению, пока выполнить такое условие невозможно, поскольку, во-первых, материалы опубликованы далеко не полностью; во-вторых, остается спорным вопрос о возможности этнической атрибуции и происхождения некоторых групп находок, например, роговых гребней или наконечников стрел.

Скандинавские древности широко представлены в Новгородской и Псковской землях, Приладожье, на Верхней Волге, в Суздальском Ополе, Среднем Поднепровье и Подвинье⁷⁵. К настоящему времени на территории Украины, включая Киев, Чернигов и Шестовицы, известно более 250 объектов этого круга. Предметы вооружения составляют 1/3 этой выборки, такую же долю занимают украшения женского и мужского костюма, включая амулеты⁷⁶. На территории западных областей Руси в пределах современной Беларуси обнаружено около 50 находок⁷⁷. На Севере Руси скандинавские вещи появляются раньше, чем на Юге, здесь преобладают предметы женского и мужского убора, и присутствуют такие редкие типы находок, как амулеты с руническими надписями или «татингские» сосуды, обна-

⁷⁴ Шмидт Е.А. Курганный могильник у пос. Новоселки // Смоленские древности. Смоленск, 2005. Вып. 4. С. 178–179; Нефёдов В.С. Городище Рокот. С. 239.

⁷⁵ Пушкина Т.А. Скандинавские находки с территории Древней Руси (обзор и топография) // XIII Сканд. конф. Москва; Петрозаводск, 1997. С. 176–177.

⁷⁶ Зоценко В.Н., Андричук Ф.А. Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. Париж, 2012. С. 32–36.

⁷⁷ Дернович С.П. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск, 2006. С. 55–65, каталог находок.

руженные на Рюриковом городище и в Старой Ладогe. Одна из самых крупных в Восточной Европе коллекций, содержащая более 150 предметов скандинавского круга, происходит из раскопок Рюрикова городища под Новгородом⁷⁸.

На территории Смоленского Поднепровья примерно в 11 пунктах найдено несколько сотен предметов скандинавского происхождения. Единичные находки фибул, предметов вооружения, элементов ременной гарнитуры и бытовых предметов, не образующие отдельных комплексов, происходят из восьми памятников, так или иначе тяготеющих к водным путям этой территории. Поселения и курганы в Новоселках и Рокоте, расположенные в округе Гнёздова, обладают более значительными коллекциями — около 20 предметов в каждом из пунктов⁷⁹. Подавляющее большинство находок североευропейского облика в верхнеднепровском регионе обнаружено в Гнёздове в составе погребальных комплексов, кладов и в культурном слое поселения. К ним относятся различные украшения, детали женского и мужского костюма, амулеты, игральные шашки, бытовые предметы, литейные формы, оружие, предметы вооружения, снаряжение коня и некоторые другие категории — всего более 500 находок⁸⁰. Почти половина из них происходит с территории поселения. Различные типы фибул, подвески, амулеты, браслеты и принадлежности ременной гарнитуры насчитывают более 350 экземпляров. Появление этих вещей не было результатом одноактного культурного импульса: новые типы вещей поступали в Верхнее Поднепровье благодаря постоянному притоку людей из Северной Европы. Бытование и, возможно, производство скандинавских изделий осуществлялось без запаздывания вплоть до последней четверти X в. Круг аналогий гнёздовским находкам свидетельствует о хорошо налаженных связях с Восточной и Средней Швецией, в особенности с Биркой: на прямые контакты этих центров указывают не только различные категории находок, встреченные

⁷⁸ Носов Е.Н. Новгородская земля: Северное Приильменьe и Поволховье // Русь в IX–X веках. С. 115.

⁷⁹ В Новоселках найдены 3 каролингских меча, 4 кольцевидных и 2 скорлупообразные фибулы, которые происходят из достоверных комплексов. Находки из Рокота в основном носят случайный характер.

⁸⁰ Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Енисова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс. С. 255–257.

только в этих двух пунктах, но и общие черты погребального обряда⁸¹.

Североевропейские производственные традиции доминировали в металлообрабатывающем ремесле Гнёздова. Местные кузнецы изготавливали бытовые ножи, орудия труда и некоторые виды вооружения, используя северную технику трехслойного или пятислойного пакета, а также вварку стального лезвия⁸². Жители города на Верхнем Днепре обладали значительными платежными средствами и запасами весового серебра для развития элитарного ювелирного ремесла. Изготовление более дешевых украшений, например, языческих амулетов из медных сплавов, было рассчитано на представителей другой социальной группы — рядового скандинавского населения. На различных участках гнёздовского поселения найдены многочисленные следы обработки золота, серебра, медных и легкоплавких сплавов, а также свидетельства производства украшений — важных символов культурной принадлежности для поселенцев, живущих вне Скандинавии⁸³. Несмотря на убедительную картину присутствия скандинавов во многих пунктах на территории Древней Руси, находки — индикаторы изготовления вещей северных типов — обнаружены помимо Гнёздова в Старой Ладогге, на Рюриковом городище, Городке на Ловати, Белоозере и Суздале хотя масштаб этих свидетельств неравнозначен⁸⁴.

Обилие и разнообразие вещей скандинавского круга в гнёздовском некрополе и на всех участках поселения с самого раннего этапа существования памятника до первых десятилетий XI в. отражает непрерывные контакты с территорией Скандинавии и с большой долей вероятности дает основание говорить о миграции на эту территорию населения из Северной Европы, преимуще-

⁸¹ Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнёздово и Бирка. С. 11–17; Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М. 1989. С. 190–204.

⁸² Розанова Л.С., Пушкина Т.А. Производственные традиции в железообрабатывающем ремесле Гнёздова // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. С. 81–82.

⁸³ Ениосова Н.В. Ювелирное производство Гнёздова. С. 14; Она же. О производстве скандинавских подвесок-амулетов в Гнёздове // XIV Сканд. конф. М., 2001. Ч. 1. С. 133–135; Она же. Скандинавские рельефные фибулы из Гнёздова // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. С. 83–92.

⁸⁴ Хвоцинская Н.В. Бронзолитойное производство Рюрикова городища в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 124–139.

ственно из Средней Швеции⁸⁵. Этот вывод основан, прежде всего, на оценке удельного веса скандинавских погребений в гнёздовском могильнике, произведенной Ю.Э. Жарновым с учетом этноопределяющих признаков в комплексах, дифференцированных по половозрастной принадлежности. Судя по находкам украшений — надежных индикаторов присутствия скандинавских женщин, — они были похоронены в 40–50% гнёздовских курганов. Эта тенденция разделения женщин по этническому признаку и естественный характер соотношения мужчин и женщин позволяют предположить, что скандинавам принадлежит не менее четверти гнёздовских погребений⁸⁶. Заманчиво видеть в них росов, живущих в верховьях реки Днепр, упоминаемых в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей»⁸⁷.

О контактах города на Верхнем Днепре и Константинополя свидетельствует исключительная по масштабу коллекция находок византийского происхождения из Гнёздова, содержащая 50 монет, большая часть из которых фоллисы, выпущенные с VI по первую четверть XI в. на различных монетных дворах⁸⁸. Менее многочисленные милиарисии и номисмы были превращены в подвески. Прямые контакты с официальными представителями империи подтверждаются находками четырех свинцовых печатей, принадлежавших сановникам высокого ранга⁸⁹.

Интенсивные раскопки последних десятилетий на различных участках гнёздовского поселения значительно пополнили число отдельных фрагментов и определимых форм амфорной тары на-

⁸⁵ *Jansson I.* Warfare, trade or colonization? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period // *The Rural Viking in Russia and Sweden. Conference 19–20 October 1996 in the manor of Karlsund. Örebro, 1997.* P. 47–51, 53.

⁸⁶ *Жарнов Ю.Э.* Женские скандинавские погребения в Гнёздове // *Смоленск и Гнёздово (К истории древнерусского города).* М., 1991. С. 215–216; Табл. 2, 3.

⁸⁷ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под. ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. Изд. 2-е исправ. М., 1991. С. 173; ср.: *Мельникова Е.А.* Росия и росы в *De administrando imperio* Константина VII Багрянородного // *ВЕДС-XXI: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация.* М., 2009. С. 201–209.

⁸⁸ *Шевцов А.О.* О проблеме присутствия монет Феофила (829–841) на территории Гнёздовского археологического комплекса (в печати). Благодарим автора за предоставленную возможность сослаться на его статью.

⁸⁹ *Ениосова Н.В., Пушкина Т.А.* Находки византийского происхождения из раннеродского центра Гнёздова в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // *Сугдейский сборник. Киев, 2012. Вып. V.* С. 45–48.

чального этапа русско-византийской торговли. Только на небольшом по площади раскопе (72 кв. м), исследованном в 2008–2013 гг. в юго-западной части городища, обнаружено более 70 обломков амфор византийского культурного круга. Сосуды этой группы, датирующиеся второй половиной X — первой половиной XI в., известны по находкам фрагментов на Севере и Юге Древней Руси, но гнёздовская выборка на настоящий момент — самая впечатляющая. Рост числа обломков в культурном слое городища, на восточном и пойменном селищах показывает, что потребители дорогих продуктов жили во второй половине X в. на различных участках поселения. Несмотря на то, что находки амфор чаще всего отражают перемещение археологически «невидимых» товаров, в отмывках культурного слоя из двух ям конца X в., исследованных в восточной части селища, обнаружены виноградные косточки, попавшие сюда, вероятнее всего, вместе с греческим вином⁹⁰. На высокий престиж греческой товарной тары указывает находка знаменитой гнёздовской амфоры в одном из самых богатых погребений некрополя.

Гнёздовская коллекция византийской поливной керамики, состоящая из целых и фрагментированных блюд (3), кружек (4) и миниатюрных кувшинов (3), является наиболее представительной для территории Древней Руси X — первой половины XI в. Небольшое полихромное блюдо с изображением сэнмурва, обнаруженное В.И. Сизовым в 1885 г. в «Большом» кургане, имеет наиболее близкие параллели в материалах Преслава — второй столицы Первого Болгарского царства. На территории этого города были исследованы мастерские, производящие поливную архитектурную и столовую керамику с конца IX до середины X в. За пределами Преслава продукция его мастерских встречается исключительно редко. Белоглиняные полихромные сосуды принадлежали к наиболее редким и дорогим типам византийской керамики и распространялись в качестве дипломатических даров, а не предметов торговли⁹¹.

Для русов, посещавших Константинополь в X в., шелк, ценный наравне с золотом, был наиболее желанным продуктом «ма-

⁹⁰ Там же. С. 48–51.

⁹¹ Там же. С. 48–55; *Kostova R.* Polychrome ceramics in Preslav, 9th to 11th centuries: where were they produced and used? // *Byzantine trade, 4th–12th centuries. The archaeology of local, regional and international exchange.* Oxford, 2009. P. 97–121.

стерских великолепия». Они принимали драгоценные одежды в дар от императора на приемах, получали их в виде дани во время набегов или покупали в Константинополе, хотя торговля шелком была ограничена. В гнёздовских курганах и на поселении обнаружены фрагменты шелка и золотных нитей византийского производства. В составе некоторых погребений они соседствуют с атрибутами христианской веры — серебряными крестиками или свечами. Эти находки свидетельствуют о распространении христианства до официального крещения Руси среди представителей аристократии, поддерживающих прямые дипломатические и торговые контакты с Византией. В Гнёздове обнаружены предметы личного благочестия первых христиан: кресты-тельники и энколпионы. Все три креста-реликвария, найденные в западной и пойменной части гнёздовского селища, относятся к типам, широко распространенным на территории Византийской империи и Балкано-Дунайского региона. Однако они занимают особое место в истории начальной христианизации Древней Руси, так как принадлежат к небольшой группе наиболее ранних мощевиков на этой территории⁹².

Изделия византийского прикладного ремесла представлены в Гнёздове такими редкими вещами, как ларец «розеточного» типа из кургана Оль-23, резная ложка из слоновой кости, обнаруженная в кладе золотых и серебряных вещей в юго-западной части городища в 1940 г., а также отдельными находками из стекла, камня, кости и металла. Среди них костяные шашка и пуговица, мозаичный кубик и браслет, перстни, пряжки, книжные застежки-кинжальчики и пинцеты⁹³. В финальном горизонте на «высоком» участке поймы около озера Камыши (конец X — начало XI в.) найдены железные писала, наиболее близкие аналогии которым известны на территории Дунайской Болгарии. Это самые ранние инструменты для письма на территории Верхнего Поднепровья⁹⁴.

В целом, находки византийского круга, привезенные из метрополии или с территорий, на которых ощущалось ее сильное влияние, обнаружены в культурном слое Центрального городища и на всех участках окружающего его селища, а также в 20-ти

⁹² Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. Находки. С. 55–65.

⁹³ Там же. С. 65–74.

⁹⁴ Пушкина Т.А., Ениосова Н.В., Мурашева В.В. Изучение. С. 185.

наиболее богатых захоронениях гнёздовского некрополя. По ряду критериев, используемых традиционно для выявления скандинавских комплексов, к таковым можно отнести 17 из 20 обсуждаемых курганов. В них похоронены мужчины и женщины высокого социального статуса, принадлежащие, вероятно, к кругу участников военных походов, торговых и дипломатических миссий. Об их пребывании в Константинополе говорят такие находки как полихромная поливная керамика, одежда из шелка, монеты и ларец «розеточного» типа. Производство предметов роскоши в Византии предназначалось не для рынка, а для потребностей двора, армии, дипломатических даров, дани и строго контролировалось государством. Нельзя не учитывать и того факта, что изделия столичных мастерских на территории Руси могли менять своих владельцев в результате дарения, грабежа или торговли⁹⁵.

Согласно русско-греческим договорам и трактату «Об управлении империей» Константина Багрянородного, Киев — резиденция главного «архонта» Руси — играл ключевую роль в дипломатических и торговых отношениях с Константинополем. Нет никаких сомнений, что Киев занимал выгодное положение на широтном пути с Востока на Запад и находился в нескольких неделях плавания от Византии в весеннее время. Однако при сопоставлении синхронных и во многом схожих гнёздовских и киевских материалов мы не находим признаков особого столичного статуса Киева вплоть до конца X в.⁹⁶ Византийские вещи не часто встречаются в культурных напластованиях и погребениях конца IX–X в.⁹⁷ Резкое увеличение числа находок, включая произведения художественного ремесла, характерно для киевских материалов XI — первой половины XIII в.⁹⁸ Аккумуляция престижных византийских импортов в руках гнёздовской аристократии свидетельствует, что в X в. Киев не был единственным центром дипломатических и торговых отношений с Византийской империей.

⁹⁵ Енисова Н.В., Пушкина Т.А. Находки. С. 74–76.

⁹⁶ Следует заметить, что богатство и разнообразие находок из Гнёздова во многом определяется относительно хорошей сохранностью некрополя и поселения, но, тем не менее, для обсуждаемого хронологического периода масштабы коллекций из Гнёздова и Киева несопоставимы по многим критериям.

⁹⁷ Каргер М.К. Древний Киев. М.; Л. 1958. Т. I. С. 215; Сагайдак М.А. Хронология археологических комплексов древнего Киева // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Киев, 1988. Т. 2. С. 136–142.

⁹⁸ Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XII века. М. 1975. С. 295–297.

В картине становления и развития древнерусской элиты, реконструируемой в трудах таких исследователей, как А.В. Назаренко и П.С. Стефанович, в формирующемся государственном устройстве Руси X в. есть место для «политической стихии покуда еще не окняженных торгово-ремесленных центров» или для «архонтов», которые управляли фактически независимыми землями, хоть и признавали первенство киевского князя⁹⁹. Вероятно, в Верхнем Поднепровье на протяжении X в. правили «архонты»/«князья»/«бояре», известные по русско-греческим договорам и сообщениям Константина Багрянородного.

Недавно на основе материалов раскопок на пойменном участке гнёздовского поселения были высказаны предположения о «катастрофических событиях», сыгравших ключевую роль в истории Гнёздова. Следы пожаров и временного запустения на отдельных участках пойменного селища рассматриваются В.В. Мурашевой как свидетельство насильственного установления киевской власти в Верхнем Поднепровье в середине X в. Исследовательница связывает «перелом» в отношениях Киева и Гнёздова с процессом установления погостов и даней княгиней Ольгой¹⁰⁰. Смена власти, по ее мнению, прослеживается и в материальной культуре Гнёздова. Здесь появляются пиррофиллитовые пряслица, ременная гарнитура «черниговской школы» и среднеднепровская круговая керамика. По мнению В.В. Мурашевой, с юга приходит традиция погребения в камерах, а хронологически компактная группа гнёздовских кладов середины X в. является прямым отражением разгрома «старой» гнёздовской элиты. Практически те же археологические материалы использует В.С. Нефёдов, рассмотревший процесс политогенеза на территории Смоленского Поднепровья и Подвинья. В рамках второго этапа (вторая половина X — первая половина XI в.) в первой половине 960-х гг., по мнению автора, «в раннегородском центре произошло катастрофическое событие», т. е. военный разгром. В данном случае автор связывает акцию подчинения Гнёздова с какими-то действиями первых лет самостоятельного правления Святослава¹⁰¹. Конечно,

⁹⁹ Назаренко А.В. Князь и дружина в эпоху договора Руси с греками // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М.; Вологда. 2014. С. 22; Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины. Военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012. С. 437–440.

¹⁰⁰ Мурашева В.В. Актуальные проблемы. С. 399.

¹⁰¹ Нефёдов В.С. Смоленское Понепровье и Подвинье. С. 289.

трудно не обратить вслед за Н.И. Платоновой внимания на то, что в русско-византийском договоре 971 г. отсутствует упоминание о 22 «князьях» или «архонтах», фигурировавших в подписанных ранее документах¹⁰². Однако в эту эпоху контроль над людьми и территориями не был стабильным, а правители и даже династии находились у власти непродолжительный период. За 27 лет, прошедших между заключением договоров, многие участники посольства 944 года могли умереть естественной смертью или погибнуть в неведомых нам локальных конфликтах, хотя все предложенные сценарии уязвимы из-за скудости письменных источников и фрагментарности археологических данных.

Как уже говорилось, немало кладов, синхронных гнёздовской компактной группе 950–960-х гг., известно на других близких или далеких территориях Древней Руси. Одновременность пожарищ, выявленных на разных участках поселения, особенно если учитывать наши ограниченные возможности в определении точных дат, совсем не очевидна. В большинстве случаев мы можем говорить только о том, что эти слои, вероятно, относятся к первой половине, середине или второй половине века, либо к рубежу X–XI вв. Следы нескольких пожаров, разрушивших жилые и другие постройки первой половины — середины X в., были зафиксированы на площадке городища. Перестройка или подновление дерево-земляных укреплений Центрального городища происходили несколько раз и не только в середине, но и в конце X в.¹⁰³.

Остановимся на некоторых других аргументах в поддержку военной экспансии Киева. Появление и распространение круговой керамики и ременной гарнитуры среднеднепровского типа трудно рассматривать как результат подчинения центральной власти. Среднеднепровский тип круговой керамики, наиболее выразительно представленный материалами Шестовиц и Киева, до недавнего времени был известен по единичным находкам в виде урн в гнёздовских погребениях и составлял лишь около 1% среди массового материала¹⁰⁴. В настоящее время фрагменты этих характерных

¹⁰² Платонова Н.И. Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // ВЕДС-IX: Международная договорная практика Древней Руси. М., 1997. С. 72–73.

¹⁰³ Пушкина Т.А. Гнёздовское поселение в истории Смоленского Поднепровья (IX–XI вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 8.

¹⁰⁴ Каменецкая Е.В. О некоторых типах керамики Гнёздова // СА. 1988. № 1. С. 258–262. В этой же статье отмечены в Шестовицких курганах находки характерных

сосудов составляют значительную часть керамической коллекции; они найдены практически на всей территории поселения. Обычно этот тип керамики датируется второй половиной X — рубежом X—XI вв. Исследовавшая находки среднеднепровской керамики Е.В. Каменецкая, не исключая местного производства, осторожно отмечала, что сосуды могли попасть в Гнёздово либо с владельцами, либо как предметы торговли единичными экземплярами или небольшими партиями¹⁰⁵. Формы найденных в Гнёздове височных, в том числе и лучевых, колец и формы гнёздовской керамики, особенно раннекруговой, указывают на связь славянской части населения Гнёздова с роменцами, памятники которых на Левобережье Днепра существуют на протяжении первой половины X в. и позже¹⁰⁶. На наш взгляд, появление среднеднепровской керамики среди материалов верхнеднепровского раннегородского центра указывает всего лишь на продолжение и дальнейшее развитие связей между названными регионами. Ременные накладки, выполненные в традициях «черниговской школы» (среднеднепровского типа), наиболее характерны для гнёздовской коллекции и составляют более 18% всех находок этой группы¹⁰⁷. Однако существование этой школы отнесено в целом ко второй половине X в., *т. е. ко времени после 950 г.*, и, следовательно, эти предметы не могли появиться где бы то ни было раньше. Точно так же обстоит дело и с опорой на датировку пиррофиллитовых пряслиц. По последним данным, поселения на Овручском кряже возникают не ранее второй половины X в., а стандартные пряслица массово присутствуют в городских слоях Киева в 70–80-е гг. того же столетия¹⁰⁸. В попытках подобрать необходимые археологические иллюстрации для исторических реконструкций можно попробовать обсудить, например, огромный массив ременной гарнитуры из Волжской Болгарии и Прикамья. Такой тип поясных и уздечных накладок доминирует в Гнёздове и других раннегородских центрах также со второй по-

гнёздовских сосудов, что со всей очевидностью говорит о двусторонних контактах населения этих центров.

¹⁰⁵ Каменецкая Е.В. Керамика Гнёздова как показатель торговых и этнических контактов // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 133.

¹⁰⁶ Пушкина Т.А. Лучевые кольца Гнёздова // Города и веси (в печати).

¹⁰⁷ Мурашова В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X—XIII вв.) М., 2000. С. 95.

¹⁰⁸ Томашевский А.П. Изучение систем заселения Овручской волости в Овручском проекте // Сельская Русь в IX—XVI вв. М., 2008. С. 58–59.

ловины X в., но у нас, к счастью, нет летописных данных об экспансии Волжской Болгарии в Верхнее Поднепровье в этот период. Оценивая роль военных конфликтов, нельзя оставлять за рамками культурно-исторических интерпретаций торговые контакты, развитие моды и естественный процесс появления новых типов вещей на обширных пространствах Древней Руси. Было бы корректнее обсуждать изменения в материальной культуре раннегородских центров, сопоставив их общие признаки.

Гнёздовские материалы с большой долей вероятности указывают на независимое существование раннегородского центра на Верхнем Днепре вплоть до последних десятилетий X в., несмотря на политическую и территориальную экспансию Киева.

При отсутствии письменных источников трудно судить, какие именно исторические события вызвали упадок Гнёздова. Самые поздние погребения Гнёздовского некрополя могут быть датированы рубежом X—XI — началом XI в., хотя число их невелико. Археологические материалы указывают на то, что достаточно активная жизнь здесь продолжалась и в начале XI в., но постепенно Гнёздово утратило уникальный характер городского центра, превратившись в феодальную усадьбу. Мы не знаем, был ли этот процесс мирным, и были ли среди жителей Смоленска люди, родившиеся в Гнёздове. Признаков того, что «финал Гнёздова был событием, а не процессом», связанным с междукняжескими усобицами 1015–1026 гг.¹⁰⁹, мы не находим. Финальный этап, связанный с угасанием города и переходом его функций к летописному Смоленску, сближает Гнёздово с некоторыми раннегородскими центрами Северной Европы. Как полагают, они перестали существовать в результате комплекса причин, среди которых — постепенное прекращение импорта исламских монет в 70-е гг. X в. и изменение торговых путей, а также конфликт между местной элитой и центральной властью формирующегося государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д.А.* Гнездово и Днепровский путь // Новое в археологии. М., 1972. С. 159–169.
- Авдусин Д.А., Пушкина Т.А.* Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 190–205.

¹⁰⁹ *Нефёдов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье. С. 293.

- Авдусина С.А.* Клад торгового инвентаря из Гнёздова // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань, 2014. Т. III. С. 10–11.
- Алексеев Л.В.* О древнем Смоленске (К проблеме происхождения, начальной истории и топографии) // СА. 1977. № 1. С. 83–103.
- Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Гнездово и Бирка (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11–17.
- Гайдуков П.Г., Молчанов А.А., Носов Е.Н.* Находки восточных монет VI–X вв. на новгородском (Рюриковом) городище // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 82–88.
- Гайдуков П.Г., Федоров-Давыдов Г.А., Янин В.Л.* Новый клад куфических монет из Новгорода // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва 17–21 апреля 2000г. Тезисы. М., 2000. С. 55–56.
- Гайдуков П.Г., Янин В.Л.* Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X — первой половины XI в. // ДГ. 1994 год: Новое в нумизматике. М., 1996. С. 151–170.
- Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула, 2005.
- Гуцин А.С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. М.; Л., 1936.
- Даркевич В.П.* Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XII века. М., 1975.
- Дернович С.П.* Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск, 2006.
- Ениосова Н.В.* О производстве скандинавских подвесок-амулетов в Гнездове // XIV Сканд. конф. М., 2001. Ч. 1. С. 133–135.
- Ениосова Н.В.* Скандинавские рельефные фибулы из Гнездова // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археологический сборник (Труды ГИМ. Вып. 124). М., 2001. С. 83–92.
- Ениосова Н.В.* Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнездове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара. 2000. Псков, 2001. С. 207–219.
- Ениосова Н.В.* Ювелирное производство Гнездова (по материалам курганов и поселения). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999.
- Ениосова Н.В., Нефёдов В.С.* Погребение странствующего ювелира X в. близ д. Лопино под Смоленском // Археологический сборник. Памяти М.В. Фехнер (Труды ГИМ. Вып. 111). М., 1999. С. 64–73.
- Ениосова Н.В., Пушкина Т.А.* Скандинавские украшения из гнездовских кладов // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. Тезисы докладов. СПб., 2006. С. 187–191.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб., 2010.

- Жарнов Ю.Э.* Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово (К истории древнерусского города). М., 1991. С. 200–225.
- Жарнов Ю.Э.* Погребальный обряд в Древней Руси по материалам гнёздовского некрополя. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Завозская Э.П., Бронникова М.А.* Палеоландшафты Гнёздова: реконструкция, перспективы исследования // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Археологический сборник (Труды ГИМ. Вып. 124). М., 2001. С. 197–201.
- Захаров С.Д.* Белоозеро // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 212–239.
- Зозуля С.С., Каинов С.Ю., Гомзин А.А.* Клад куфического серебра из Гнёздова // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. М., 2014. С. 50–73.
- Зоценко В.Н., Андрощук Ф.А.* Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. Париж, 2012.
- Каинов С.Ю.* К вопросу о количественной оценке погребений с предметами вооружения в Гнёздовском могильнике // XVI Сканд. конф. М., 2008. Ч. 1. С. 200–203.
- Каинов С.Ю.* Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок в Гнёздово // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. СПб., 1999. С. 49–62.
- Каинов С.Ю.* Находки деталей мечей ранних типов на территории Гнёздова // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М., 2014. С. 34–46.
- Каменеукая Е.В.* К вопросу о хронологии и топографии Гнёздова по керамическому материалу // Славяне и иные языки... (Труды ГИМ. Вып. 198). М., 2014. С. 141–151.
- Каменеукая Е.В.* Керамика Гнёздова как показатель торговых и этнических контактов // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 122–134.
- Каменеукая Е.В.* О некоторых типах керамики Гнёздова // СА. 1988. № 1. С. 258–262.
- Каргер М.К.* Древний Киев. М.; Л. 1958. Т. I.
- Кирьянова Н.А., Пушкина Т.А.* Сельскохозяйственная деятельность населения древнего Гнёздова // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008. С. 171–176.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под. ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. Изд. 2-е исправ. М., 1991.
- Леонтьев А.Е., Носов Е.Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII — X вв. // Русь в IX–X веках Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 382–401.

- Мельникова Е.А.* Росия и росы в *De administrando imperio* Константина VII Багрянородного // ВЕДС-XXI: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. М., 2009. С. 201–209.
- Микляев А.М.* Путь «из варяг в греки» (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1992. Вып. 4–5. С. 133–138.
- Мурашева В.В.* Актуальные проблемы исследования Гнёздова // ДГ. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 389–405.
- Мурашева В.В.* Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.) М., 2000.
- Мурашева В.В., Фетисов А.А.* Портовая зона Гнёздова // Міста Давньої Русі. Київ, 2014. С. 287–293.
- Назаренко А.В.* Князь и дружина в эпоху договора Руси с греками // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М.; Вологда, 2014. С. 14–24.
- Нефёдов В.С.* Городища X в. и начало «окняжения» территории Смоленского Подвинья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 250–258.
- Нефёдов В.С.* Городище Рокот в структуре синхронных поселений Днепро-Двинского междуречья // XV Сканд. конф. М., 2004. Ч. 1. С. 238–241.
- Нефёдов В.С.* Салтовские древности в смоленских длинных курганах // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2002. № 17. С. 131–139.
- Нефёдов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования Древнерусского государства по археологическим данным // ДГ. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 270–299.
- Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М., Смоленск, 1995.
- Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 2014.
- Петрухин В.Я., Пушкина Т.А.* К предыстории древнерусского города // ИСССР. 1979 № 4. С. 100–112.
- Платонова Н.И.* Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // ВЕДС-IX: Международная договорная практика Древней Руси. М., 1997. С. 69–73.
- Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968.
- Пушкина Т.А.* Гнёздовское поселение // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1984. С. 46–48.
- Пушкина Т.А.* Гнёздовское поселение в истории Смоленского Поднепровья (IX–XI вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974.

- Пушкина Т.А.* Изделия косторезного ремесла из Гнездова (Труды ГИМ. Вып. 82). М., 1993. С. 57–68.
- Пушкина Т.А.* Клад «ювелира» периода викингов из Верхнего Поднепровья // *Arheoloģija un Etnogrāfija. Rīga*, 2010. Т. XXIV. С. 183–188.
- Пушкина Т.А.* Лучевые кольца Гнездова // *Города и веси* (в печати).
- Пушкина Т.А.* Новые монетно-вещевые клады из Гнездова // *Великий Новгород и средневековая Русь. Сб. статей к 80-летию академика В.Л. Янина*. М., 2009. С. 525–532.
- Пушкина Т.А.* Новый Гнездовский клад // *ДГ*. 1994 год: Новое в нумизматике. М., 1996. С. 171–186.
- Пушкина Т.А.* Первые Гнездовские клады: история открытия и состав // *Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина*. М., 1998. С. 370–377.
- Пушкина Т.А.* Скандинавские находки с территории Древней Руси (обзор и топография) // XIII Сканд. конф. Москва; Петрозаводск, 1997. С. 175–178.
- Пушкина Т.А.* Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // *Смоленск и Гнездово (К истории древнерусского города)*. М., 1991. С. 226–243.
- Пушкина Т.А., Ениосова Н.В., Каинов С.Ю., Новиков В.В., Шарганова О.Л.* Изучение Центрального поселения в Гнездове // *Археологические открытия 2010–2013 годов*. М., 2015. С. 240–243.
- Пушкина Т.А., Ениосова Н.В., Мурашева В.В.* Изучение Гнездовского комплекса археологических памятников // *Вестник РГНФ*. 2015. № 3 (80). С. 181–193.
- Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В.* Гнездовский археологический комплекс // *Русь в IX–X веках Археологическая панорама*. М.; Вологда, 2012. С. 242–273.
- Пушкина Т.А., Розанова Л.С.* Кузнечные изделия из Гнездова // *РА*. 1992. № 2. С. 201–220.
- Рабцэвіч В.Н., Плавінскі М.А., Іоў А.В.* Брыльёўскі скарб. Мінск, 2011.
- Розанова Л.С., Пушкина Т.А.* Производственные традиции в железообрабатывающем ремесле Гнездова // *Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археологический сборник (Труды ГИМ. Вып. 124)*. М., 2001. С. 77–82.
- Рыбаков Б.А.* Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII вв. // *ВИ*. 1962. № 4. С. 34–57.
- Сагайдак М.А.* Хронология археологических комплексов древнего Киева // *Труды V Международного Конгресса археологов-славистов*. Киев, 1988. Т. 2. С. 136–142.
- Сизов В.И.* С. Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник близ Смоленска // *Материалы по археологии России*. СПб., 1902. № 28.
- Спицын А.А.* Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // *Известия археологической комиссии*. СПб., 1905. Вып. 15. С. 6–70.

- Стефанович П.С.* Бояре, отроки, дружины. Военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012.
- Строков А.А., Богусевич В.А., Мантейфель Б.К.* Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 году // Новгородский исторический сборник. Новгород. 1939. Вып. 5. С. 136–142.
- Томашевский А.П.* Изучение систем заселения Овручской волости в Овручском проекте // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008. С. 50–73.
- Фомин А.В.* Топография кладов куфических монет X в. междуречья Днепра и Десны // Чернигов и его округа в IX — XIII вв. Киев, 1988. С. 74–80.
- Хвоцинская Н.В.* Бронзолитетное производство Рюрикова городища в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 123–141.
- Шевцов А.О.* О проблеме присутствия монет Феофила (829–841) на территории Гнездовского археологического комплекса (в печати).
- Шмидт Е.А.* Курганный могильник у пос. Новоселки // Смоленские древности. Смоленск, 2005. Вып. 4. С. 146–218.
- Шмидт Е.А.* К вопросу о древних поселениях в Гнездове // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1974. Вып. VIII. С. 150–164.
- Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории средневекового Новгорода. М., 2009.
- Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья (домонгольский период). М., 1956.
- Янин В.Л.* Рецензия на: Корзухина Г.Ф. Русские клады X–XIII вв. М.; Л., 1954 // СА. 1956. № XXV. С. 357–366.
- Янссон И.* Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 18–38.
- Blackburn M.* The Coin-finds // Means of Exchange. Dealing with Silver in the Viking Age (Kaupang Excavation Project Publication Series / Ed. by D. Skre. Vol. 2). Aarhus, 2007. P. 29–72.
- Callmer J.* Urbanisation in Northern and Eastern Europe, ca.700–1100 // Post-Roman towns, trade and settlements in Europe and Byzantium (Millenium Studien. Vol. 5). B.; N.Y., 2007. P. 233–302.
- Callmer J.* At the watershed between the Baltic and the Pontic before Gnezdovo // From Goths to Varangians. Communication and cultural exchange between the Baltic and the Black sea. Aarhus, 2013. P. 39–87.
- Eniosova N.V.* Tracing the routes of silver procurement to the early urban centre Gnezdovo in the 10th — early 11th centuries // Die Archäologie der frühen Ungarn. Chronologie, Technologie und Methodik. RGZM — TAGUNGEN. Mainz, 2012. Bd. 17. P. 261–276.
- Forshell H.* The inception of copper mining in Falun. Stockholm, 1992.
- Gustin I.* Mellan Gäva och Marknad. Handel, tillit och materiell kultur under vikingatid // Lund Studies in Medieval Archaeology. 2004. B. 34.

- Hedenstierna-Jonson Ch.* The Birka Warrior. The material culture of a martial society // Theses and papers in scientific archaeology. Stockholm, 2006. Vol. 8.
- Hårdh B.* Wikingerzeitliche Depotfunde aus Südschweden. Katalog und Tafeln (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4°. No. 9). Lund, 1976.
- Hårdh B.* Wikingerzeitliche Depotfunde aus Südschweden. Probleme und Analysen (Acta Archaeologica Lundensia Series in 8° Minore. No. 6). Lund, 1976.
- Hårdh B.* Silver in the Viking Age. A Regional-Economic Study (Acta Archaeologica Lundensia Series in 8° No.25) Stockholm, 1996.
- Hårdh B.* Scandinavian Metalwork // Things from the Town. Artefacts and Inhabitants in the Viking-age Kaupang (Kaupang Excavation Project Publication Series / Ed. by D. Skre. Vol. 3). Aarhus, 2011. P. 29–64. P. 29–63.
- Jansson I.* Ovala spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fynden (AUN. 7). Uppsala, 1985.
- Jansson I.* Warfare, trade or colonization? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period // The Rural Viking in Russia and Sweden. Conference 19–20 October 1996 in the manor of Karlsund. Örebro, 1997. P. 9–64.
- Kainov S.* Swords from Gnězdovo // Acta Militaria Mediaevalia. Kraków; Rzeszów; Sanok, 2012. T. VIII. P. 7–68.
- Kostova R.* Polychrome ceramics in Preslav, 9th to 11th centuries: where were they produced and used? // Byzantine trade, 4th–12th centuries. The archaeology of local, regional and international exchange. Oxford, 2009. P. 83–97.
- Neiß M., Sholts S., Wärmländer S.* 3D Laser scanning as a tool for Viking studies // Virtual Archaeology (nondestructive methods of prospections, modeling, reconstructions). SPb., 2012. P. 170–185.
- Nosov E., Chvoščinskaja N.* Some Aspects of Studies of Ringed Pins from Rus' // Cultural interrection between east and west. Archaeology, artefacts and human contacts in Nothern Europe. Stockholm, 2007. P. 239–242.
- Puškina T.A.* Gnezdovo-boplassen: En boplass fra vikingtiden ved Øvre Dnepr // Gunneria. Trondheim, 1991. Vol. 64. S. 359–366.
- Pedersen A.* Viking weaponry // The Viking World. L., N.Y., 2012. P. 204–211.
- Skre D.* The development of urbanism in Scandinavia // The Viking World. L.; N.Y., 2012. P. 83–93.
- Skre D.* Towns and Markets, Kings and Central Places in South-western Scandinavia c. AD 800–950 // Kaupang in Skiringssal (Kaupang Excavation Project Publication Series / Ed. by D. Skre. Vol. 1). Aarhus, 2007. P. 445–469.
- Steuer H.* Urban Settlement. Part 2: Central, Northern, Eastern and Southern Europe // The Archaeology of medieval Europe. Aarhus. 2007. Vol. 1: Eighth to Twelfth Centuries AD. P. 129–153.

- Söderberg A. & Holmquist Olausson L.* On Bronzing Iron Objects — Archaeological Evidence of Weight-Manufacture in Viking Age Scandinavia // Proceedings of the VII Nordic Conference on the Application of Scientific Methods in Archaeology. Savonlinna, 1996. P. 188–193.
- Strömberg M.* Untersuchungen zur jüngeren Eisenzeit in Schonen. II: Katalog und Tafeln (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4°. No. 4). Lund, 1961.
- Thålin-Bergman L.* Die Waffengräber von Birka // Birka II:2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1986. S. 5–10.
- Urbańczyk P.* What did early medieval authors know about structures of governance and religion in northern Central Europe // Trade and Communication Networks of the First Millennium AD in the northern part of Central Europe (Neue Studien zur Sachsenforschung. Bd. 1.). Hannover, 2010. P. 356–361.
- Urtāns V.* Senākie depoziīti Latvijā (līdz 1200. gs.). Rīga, 1977.

Eniosova N.V., Pushkina T.A.

GNEZDOVO AS THE EARLY URBAN CENTER IN THE AGE OF
FORMATION OF THE EARLY RUSSIAN STATE: SOME PROBLEMS
OF ITS INTERPRETATION

The article discusses vexed questions of archaeological, cultural and historical interpretation of Gnezdovo archaeological complex in the Upper Dnieper region. On its spacious territory there were investigated eight mound groups, living and manufacturing zones, as well as plots connected with the river harbour. The area of the settlement comprising the hillfort (*gorodishche*) with fortifications and the unfortified part (*selishche*) was about 30 ha in its heyday. Judging by the necropolis data, the approximate numbers of the population were somewhat 800–1100 persons. The area was notable for its stable demographic structure and for obvious social differentiation of its population. The only early urban centre of the Smolensk area along the Dnieper occupied the dominating position in the region and controlled the system of settlements which ensured the functioning of the trade route “from the Varangians to the Greeks” on its section along the Dnieper and the Lovat. Local handicraft arose on the basis of manufacturing traditions of various ethnic groups and was of permanent character. Cultivated plants and animal agriculture on pastures were of great importance in the economy of the settlement. These facts show against its interpretation as an “open trade and handicraft” centre with the population whose number changed vitally because of the seasonal intake of “guests” (merchants) and transit travellers. A tiny part of the “military” burials prevents from taking Gnezdovo necropolis for a druzhina cemetery. The second half of the tenth century was the heyday of the town on the Upper Dnieper: the territory of the settlement

achieved its maximum; absolute majority of investigated mound graves were also erected at that time. They were burials of the representatives of local élite who used to fulfil military and administrative functions, and their servants, as well as merchants, craftsmen, owners of ploughed fields and livestock. Considerable volume of silver belonging to Gnezdovo inhabitants shows that the main direction of trade activity was determined with oriental contacts. Predominance of fragmented coins in the cultural layers is an evidence for the active participation of the inhabitants in trade and exchange. Plenty of finds of northern origin on various plots of Gnezdovo archaeological complex reflect continuous contacts with Scandinavia during the tenth century. It has reason to suppose the migration of the population from Middle Sweden to this territory. Finds of female jewellery evidence that 40 to 50 per cent of the Gnezdovo graves were burials of Scandinavian women. No less than a quarter of the burials as a whole belong to Scandinavians. The accumulation of prestigious Byzantine imports belonging to the Gnezdovo élite shows that Kiev was not the only centre of diplomatic and trade contacts with the Byzantine empire, Gnezdovo having a special place in relations with Constantinople since the first decades of the tenth century to its end. The early urban centre on the Dnieper existed during several generations and finished functioning due to a complex of causes, such as gradual ceasing of the import of Islam coins during the 70s of the tenth century and changing of trade routes, as well as the conflict of the local élite and the central authorities of the growing state.

Keywords: The Upper Dnieper region, Gnezdovo archaeological complex, early urban centre, import of oriental coins, contacts with Scandinavia, finds of Byzantine origin